PAGE NOT AVAILABLE

Il

7

ИЗДАНІЕ ГРУППЫ НАРОДОВОЛЬЦЕВЪ.

Долой царя! Да здравствуетъ Народная Воля!

THINGS THAT WERE.

БЫЛОЕ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦІОННЫЙ
СБОРНИКЪ.

№ 6

ФЕВРАЛЬ.

Молодымъ людямъ — на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушеніе.
Изъ народныхъ стиховъ.

Братья! Поминайте наставниковъ вашихъ!
Апостолъ Павелъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:
Vl. BOURTZEFF
70, Grafton str. Tottenham Court Rd.
LONDON W.
1904 г.

...„Чтобы понять ту форму революціонной борьб
къ какой прибѣгаетъ партія въ настоящее время, нуж
но познать это настоящее въ прошедшемъ партіи,
это прошедшее имѣется. Немногочисленно оно годам
но очень богато опытомъ. Если вы, г. судьи, взглянет
въ отчеты о политическихъ процессахъ, въ эту откр
тую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе нар
долюбцы не всегда дѣйствовали метательными снар
дами, что въ нашей дѣятельности была юность, роз
вая, мечтательная и, если она прошла, то не мы то
виною“.

А. Желябовъ.

МИХАИЛУ ЛАРІОНОВИЧУ МИХАЙЛОВУ.

Сонъ былъ нарушенъ. Здѣсь и тамъ
Молва бродила по устамъ,
Вспыхала мысль, шепталась рѣчь —
Грядущихъ подвиговъ предтечь:
Но, робко зыблясь, подлый страхъ
Привычно жилъ еще въ сердцахъ.
И надо было жертвы вновь —
Разжечь ихъ немощную кровь.
Такъ, цѣпенѣя, ратный строй
Стоитъ и не вступаетъ въ бой;
Но вражій выстрѣлъ просвисталъ —
Въ рядахъ одинъ изъ нашихъ палъ!...
И гнѣва трепетъ боевой
Объемлетъ вдохновенный строй.
Впередъ, впередъ! разрушенъ страхъ —
И гордый врагъ падетъ во прахъ.
Ты эта жертва, за тобой
Сомкнется грозно юный строй,
Не побоится палачей,
Ни тюрьмъ, ни ссылокъ, ни смертей.
Твой подвигъ даромъ не пропалъ —
Онъ чары страха разорвалъ:
Иди-жъ на каторгу бодрѣй.
Ты дѣло сдѣлалъ,—не жалѣй!

* * *

Царь не посмѣлъ тебя казнить...
Вѣдь ты изъ фрачныхъ... можетъ быть.
Въ средѣ господъ себѣ отпоръ
Нашелъ бы смертный приговоръ...
Вотъ если бы тебя нашли
Въ поддевкѣ, въ трудовой пыли —

Тебя велѣлъ бы онъ схватить
И, какъ собаку, пристрѣлить.
Онъ слово: казнь—не произнесъ,
Но до пощады не доросъ.
Мозгъ узокъ и душа мелка—
Мысль милосердья далека.
Но ты пройдешь чрезъ тѣ мѣста,
Гдѣ безъ могилы и креста
Недавно брошенъ свѣжій трупъ
Бойца, носившаго тулупъ*).
Нашъ старшій братъ изъ мужиковъ,
Онъ первый всталъ противъ враговъ
И волей царскою былъ онъ
За волю русскую казненъ.
Ты тихо голову склони
И имя брата помяни.

* * *

Закованъ въ желѣзо съ тяжелою цѣпью.
Идешь ты, изгнанникъ, въ холодную даль,
Идешь безконечною, снѣжною степью,
Идешь въ рудокопы на трудъ и печаль.
Иди безъ унынья, иди безъ роптанья.
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

И вѣрь неослабно, мой мученикъ ссыльный,
Иной рудокопъ не исчезъ, не потухъ—
Незримый, но слышный, повсюдный, всесильный
Народной свободы таинственный духъ.
Иди-жъ безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

Онъ роется мыслью, работаетъ словомъ.
Онъ юношей будитъ въ безмолвьи ночей.
Пророчитъ о племени сильномъ и новомъ.
Хоронитъ безжалостно ветхихъ людей.
Иди-жъ безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

*) Здѣсь говорится объ Антонѣ Петровѣ, разстрѣлянномъ близъ Казани въ 1861 году.

Онъ создалъ тебя и въ плѣну не покинетъ,
Онъ стражу разгонитъ и цѣпь раскуетъ,
Онъ камень отъ входа темницы отдвинетъ,
На праздникъ народный тебя призоветъ.
Иди-жъ безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

Н. Огаревъ.

УЗНИКУ.

Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи,
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ,
Пусть облегчитъ въ часъ злобной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!

Проклятымъ гнетомъ самовластья
Намъ не дано тебя обнять,
И дань любви, и дань участья
Тебѣ, учитель нашъ, воздать.

Но день придетъ, и на свободѣ
Мы про тебя разскажемъ все.
Разскажемъ въ русскомъ мы народѣ,
Какъ ты страдалъ изъ-за него.

Да, сѣялъ доброе ты сѣмя,
Вѣщалъ ты слово правды намъ,
Вѣрь, — плодъ взойдетъ и наше племя
Отмститъ сторицею врагамъ.

И разорветъ позора цѣпи,
Сорветъ съ чела ярмо раба,
И призоветъ изъ снѣжной степи
Сыновъ народа и тебя.

Н. Утинъ.

ОТВѢТЪ МИХАЙЛОВА СТУДЕНТАМЪ.

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ
И надежды, и проклятья
Съ вами, братья, раздѣлилъ.

Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.

Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраню.

Въ безотрадной млѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать,
И души одно желанье,
Какъ молитву, повторять:

Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ!

Спасибо вамъ за тѣ слезы, которыя вызвалъ у мен вашъ братскій привѣтъ. Съ кровью приходится мн отрывать отъ сердца все, что дорого, чѣмъ свѣт жизнь! Дай богъ лучшаго времени, хоть можетъ мн уже и не суждено воротиться.

Прокламаціи 60-хъ годовъ.

Первыя произведенія тайнаго типографскаго станка въ Росс появились лишь въ 1861 г. За границей свободная русская печат возникла нѣсколько раньше, — такъ, Головинъ напечаталъ сво „Катехизисъ" въ 1849 г. (см. 3-ій № „Былого"), а съ 1853 г. в Лондонѣ начала работать типографія Герцена, гдѣ печатали произведенія Герцена, Энгельсона, Сазонова, Огарева и друг. Н иностранныхъ языкахъ по русскимъ вопросамъ Бакунинъ, Головинъ, Н. Тургеневъ, стали печатать еще раньше.

У декабристовъ, петрашевцевъ и другихъ революціонныхъ оппозиціонныхъ дѣятелей бывали разнаго рода записки, договор проэкты конституцій, стихотворенія и т. д., но все это впло до 50-хъ годовъ оставалось въ рукописяхъ и ходило среди пу лики въ спискахъ и ни разу планы основанія типографій загран цей или въ самой Россіи не были осуществлены, хотя объ это подумывали и декабристы, и петрашевцы, и многіе другіе. В Россіи иногда, впрочемъ, появлялись тайныя литографированн

изданія, — такъ напр.: въ 1848 г. Петрашевскій напечаталъ записку для дворянскихъ собраній, въ 1858 г. издавался въ подражаніе лондонскому „Колоколу“ „Колоколъ“ въ Россіи (1 экз. его можно видѣть въ петербургской библіотекѣ), въ 1859 г. появилась рукопись „Западъ“, въ 1860—61 г. Зайчневскій и его товарищи тайно, подъ видомъ студенческихъ лекцій, напечатали Бюхнера „Матерія и сила“, переиздали книжку Огарева о декабристахъ и т. д.

До 60-хъ гг. иногда появлялись прокламаціи, напримѣръ, въ 1821 г. о Конституціи, въ 1842 г. прокламаціи были разосланы по почтѣ въ казармы къ солдатамъ. Эти прокламаціи производили сильное впечатлѣніе, но всѣ онѣ были рукописныя, — только съ 1861 г., и то съ перерывами, сталъ въ Россіи работать тайный печатный станокъ.

1861 годъ.

1) Лѣтомъ 1861 г. кружокъ лицъ, въ которомъ принималъ участіе сотрудникъ „Современника“ офицеръ Обручевъ, если не ошибаемся, при помощи Домбровскаго, Сѣраковскаго и др., тайно сталъ выпускать листокъ „Великоруссъ“, кажется, въ типографіи генеральнаго штаба. 1-й № „Великорусса“ перепечатанъ въ 107 № „Колокола“ (15 сен., н. с.), 2-й — въ 109, 3-й — въ 115 (20 окт.), — всѣ эти №№ вмѣстѣ со статьями Михайлова и Огарева были перепечатаны въ „Летучихъ листкахъ“, изд. въ 1862 г. въ Гейдельбергѣ, и въ отрывкахъ въ „ За сто лѣтъ“. О „Великоруссѣ“ см. 105 № „Колокола“ (отъ 15 авг. 1861 г.), 107 (статья Михайлова) и 108 (ст. Огарева о Михайловѣ).

2) Въ томъ же году въ Петербургѣ былъ распространенъ листокъ Михайлова „Къ молодому поколѣнію“, напечатанный заграницей, — онъ перепечатанъ въ „Летучихъ Листкахъ“ и въ отрывкахъ въ „За сто лѣтъ“. — За эту прокламацію Михайловъ въ декабрѣ 1861 г. былъ осужденъ въ каторжныя работы. Въ приложеніи 119 и 120 №№ „Колокола“ (15 янв. 1862 г.) появились стихотворенія Огарева и Утина, посвященныя Михайлову, и отвѣтъ имъ Михайлова.

3) „Что нужно народу?“, листокъ, представлляющій собою отдѣльный оттискъ передовой статьи изъ 102 № „Колокола“, перепечатанъ въ книгѣ г. Куклина „Итоги революціоннаго движенія въ Россіи“ (1904), тамъ же есть отрывки изъ прокламацій: „Молодая Россія“, „Къ молодому поколѣнію“, 2 №№ „Великорусса“.

1862 годъ.

4) „Къ образованнымъ классамъ“, — прокламація, изданная, кажется, кружкомъ братьевъ Серно-Соловьевичей. — она была перепечатана въ 148 № „Колокола“ отъ 30 авг. 1862 г. — О дѣятельности Серно-Соловьевичей и другихъ дѣятеляхъ 60-хъ гг. см. 4-й № „Былого“ стр. 58—65.

5) „Земская Дума“, — перепечатана въ 139 № „Колокола“ 15 іюля 1862 г.)

6) „Молодая Россія“, — появилась въ маѣ 1862 г. и приписывается Зайчневскому(см.статью Пантелѣева въ сбор. „На славном посту“), — перепечатана въ „Свободномъ Словѣ“ Блюммера (Берлинъ, 1862 г.) и въ отрывкахъ въ „За сто лѣтъ“: — о „Молодой Россіи“ см. „ Колоколъ“ 15 іюля 1862 г.

7) „Мужицкая Правда“, изд. въ гродненской губерніи Врублевскимъ и Томашевскимъ (объ ихъ дѣлѣ см. „Колоколъ“ № 16[illegible] 1 мая 1863 г.)

8) Прокламація по поводу брошюры Шедо-Ферроти против Герцена перепечатана въ „Свободномъ Словѣ“ 62 г. и въ „За сто лѣтъ“, — она приписываетя Писареву и печаталась Баллодомъ.

9) Прокламація „Къ офицерамъ“.

—„Въ Петербургѣ лѣтомъ 1862 г. было разослано въ большом количествѣ ко всѣмъ военнымъ печатное возваніе *къ офицерамъ* съ эпиграфомъ: „не терновый вѣнецъ, а вѣрный успѣх ждетъ васъ!“

„Кому будетъ принадлежать честь, — спрашиваетъ возваніе, — честь освобожденія отечества отъ заразы, отъ смерти?“ и отвѣчаетъ: „современное состояніе Россіи бросаетъ этотъ завидный жребій на войско, ему должна принадлежать честь поднятія знамени Свободы!“(„Колоколъ“ № 148, 22 окт. 1862 г.)

Цѣликомъ она была, кажется, перепечатана въ „Вѣсти“ (Берлинъ 1862 г.)

10) Другая прокламація къ офицерамъ была, по словамъ „Колокола“ (№ 133), разослана по Петербургу и нѣсколько экземпляровъ ея были разбросаны въ пріемной залѣ зимняго дворца, в день пасхи.

Въ 1862 году судился Красовскій за распространеніе своих писанныхъ прокламацій, — ихъ текстъ см. въ 165 № „Колокола“ и въ „За сто лѣтъ“. Офицеры въ Польшѣ составили и напечатали въ „Колоколѣ“ (№№ 148 и 151 и въ „Общемъ Вѣчѣ“ — 15 дек. 1862 г.) свои возванія къ великому князю Константину Николаевичу и къ своимъ товарищамъ.

Въ томъ же 1862 г. въ Лондонѣ предпринято было Огаревымъ и Герценомъ изданіе журнала „Общее Вѣче“ спеціально для раскольниковъ. Тамъ же былъ изданъ для пропаганды небольшой сборникъ революціонныхъ пѣсенъ, отдѣльно изданы обращеніе къ офицерамъ въ Польшѣ и т. д.

1863 годъ.

11) „Свобода“ № 1, изданіе общества „Земли и Воли“, распространено оно было въ Россіи 19 февр. 1863 г., перепечатано в 164 № „Колокола“ (1 іюня 1863 г.) и частью въ „За сто лѣтъ“. В Британскомъ Музеѣ имѣется оригиналъ этой прокламаціи съ печатью общества „Земли и Воли“.—Объ обществѣ „Земли и Воли“ и о „Свободѣ“ см. „Колоколъ“ №№ 157, 159, 160.

12) „Свобода“ № 2.—Въ ней между прочимъ, по словамъ обвинительнаго акта по дѣлу Андрущенко, говорилось „по поводу адресовъ, присланныхъ отъ разныхъ сословій на высочайшее имя, что будто адресы написаны по принужденію, подписавшихъ а[illegible]

ресы называютъ измѣнниками родины и въ высшей степени дерзко отзываются о государѣ императорѣ и правительствѣ, называя ихъ презрѣнными рабами, тиранами народа, измѣнниками родины, высасывающими послѣднюю каплю крови. Далѣе въ воззваніи говорится, что члены бывшаго комитета Великорусса соединились съ обществомъ *Земля и Воля*, что комитетъ *Земля и Воля* доводитъ до общаго свѣдѣнія, что лица, уполномоченныя имъ, снабжены новыми документами и потому проситъ ни въ какомъ случаѣ не исполнять требованія лицъ, не имѣющихъ ихъ, и что номера выдаваемыхъ квитанцій напечатаны въ особомъ прибавленіи, въ которомъ дѣйствительно объяснено, что въ общество получено обратно 34 квитанціи во взносѣ денегъ".

„Номера объявленныхъ въ приложеніи квитанцій начинаются съ 1001, а номера квитанцій въ прибавленіи до 1000 выдаются заграницей".

„Хотя въ приведенныхъ воззваніяхъ „Свободы" №№ 1 и 2 не сказано, на какой именно предметъ предназначаются пожертвованія, но въ газетѣ „Колоколъ" и въ прибавленіи къ ней „Общее Вѣче" за 1863 г., въ которыхъ также напечатано приглашеніе къ пожертвованію, объяснены предметы, на которые предназначаются пожертвованія. Такъ, въ № 16 „Общаго Вѣча", говоря, что деньги будутъ употребляемы на расходы на помощь ссылаемымъ въ Сибирь и въ разные губернскіе и уѣздные города, на помощь ушедшимъ отъ преслѣдованія за границу и, наконецъ, на расходы, прямо относящіеся къ дѣлу общества: посылка людей и печатныхъ листовъ, типографскіе расходы и пр."

Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Андрущенко, Мосолова, Лебединскаго и др. („Колоколъ" № 208) упоминалось еще о слѣдующихъ изданіяхъ: а) „Земля и Воля, свобода вѣроисповѣданія", б) „Земля и Воля, временное народное правленіе", в) „Земля и Воля, журналъ, издаваемый обществомъ „Земли и Воли" отъ русскаго народнаго комитета". Этотъ журналъ, кажется, не вышелъ въ свѣтъ и захваченъ правительствомъ при арестѣ тайной типографіи въ имѣніи Марченгаузена люцинскаго уѣзда, витебской губ. Въ одной изъ статей этого журнала было сказано, что „въ программу дѣйствія комитета, входитъ, между прочимъ, изданіе особаго журнала, что коммиссія старается заводить дѣятельныхъ агентовъ для того, чтобы соединить съ обществомъ отдѣльные кружки, кромѣ тѣхъ, которыхъ уже удалось соединить, что изъ свѣдѣній, полученныхъ обществомъ отъ своего военнаго комитета въ Варшавѣ, извѣстно, что изъ среды войскъ, стоявшихъ въ Польшѣ, выдѣлились благородныя и энергическія личности, ясно сознавшія, что лучше гибнуть самимъ, чѣмъ быть палачами мученическаго народа, и что русская военная организація въ Польшѣ, соединилась съ обществомъ, чтобы дѣйствовать единодушно со взаимною помощью, насколько то возможно при разныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ".

13) „Долго давили васъ братцы"... приписывается казанскому студенту Умному („Колоколъ" № 210). Въ этомъ возва-

ніи. по словамъ обвинительнаго акта по д. Андрущенко, между прочимъ говорилось:

„Воззваніе безъ заглавія, начинающееся словами: „Долго давили васъ братцы“, старается поколебать въ народѣ вѣру въ царя, возбудить надежду на собственныя силы и подстрекнуть народъ требовать отъ царя земли и воли, выборнаго начала и самоуправленія. Съ этою цѣлію въ прокламаціи говорится: „Царь собиралъ совѣтъ изъ помѣщиковъ, судилъ да рядилъ съ ними и наконецъ далъ вамъ волю. Ничего тутъ не поймешь, что это за воля такая? вольные вы люди стали, только земли не дали вамъ, а выкупаете за свои кровныя денежки. Не повѣрили вы, чтобъ царь обѣщалъ вамъ дать и не сдержалъ своего обѣщанія царскаго и подумали, что обманываютъ васъ помѣщики да чиновники, что не царскій указъ они вамъ читаютъ. И послалъ царь вразумлять своихъ генераловъ и стали они вразумлять васъ розгами, да солдатскими штыками, да пулями. Нѣтъ, братцы, плоха надежда на царя-батюшку“. Далѣе прибавлено, что царю некому разсказать про вашу нужду и что ему мѣшаютъ помѣщики. Въ прокламаціи приведенъ текстъ изъ книги царствъ (кн. 1 гл. 8.), гдѣ Самуилъ не совѣтуетъ избирать царя Саула. Далѣе сказано: „Надѣйтесь, братцы, на самихъ себя, да и добывайте себѣ волю сами“. Предостерегаетъ не торопиться, чтобы не испортить дѣла, пообдумать, собраться съ силами, не затѣвать дѣла по кучкамъ. А когда всѣ будутъ готовы, о чемъ прокламація обѣщаетъ извѣстить народъ, тогда можно будетъ потребовать отъ царя все, что нужно, и чего теперь не даетъ, т. е. землю безъ выкупа, назначеніе и расходованіе податей черезъ выборныхъ, судъ и расправу тоже черезъ выборныхъ“.

14) „Долго насъ помѣщики душили“, стих. Холодковскаго-Цибульскаго, — перепечатано было въ „Колоколѣ“ № 212 и „Пѣсенникѣ“, изданномъ въ 1874 г. въ Женевѣ чайковцами.

15) „Льется польская кровь, льется русская кровь“,—объ этой прокламаціи см. „Колоколъ № 208, — о ней было сказано въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Андрущенко:

„Воззваніе: *Льется польская кровь!...* приглашаетъ русскихъ къ сочувствію польскому возстанію, говоря, что съ освобожденіемъ Польши тѣсно связана свобода нашей страдальческой родины, обращается къ офицерамъ и солдатамъ русской арміи, между прочимъ съ слѣдующими словами: „Вмѣсто того, чтобы позорить себя преступнымъ избіеніемъ поляковъ, обратите свой мечъ на общаго нашего врага, выйдите изъ Польши, возвративши ей похищенную свободу и идите къ намъ въ свое отечество освобождать его отъ виновника всѣхъ народныхъ бѣдствій императорскаго правительства“, и потомъ приводятъ прокламацію польскаго народнаго комитета къ русскому народу, въ которой сначала говорится, что поляки прощаютъ русскимъ прежнее, и въ заключеніе помѣщенъ слѣдующій призывъ къ русскому народу: „Если ты въ эту рѣшительную минуту не почувствуешь въ душѣ своей угрызеній за прошедшее, если въ борьбѣ съ нами станешь содѣйствовать ти-

рану, который убиваетъ насъ, а васъ запрягаетъ въ ярмо, то горе тебѣ, потому что ты явишься тогда виновникомъ замедленія побѣды въ послѣдней борьбѣ Европейской цивилизаціи съ дикимъ варварствомъ Азіи".

Къ воззванію сверху приложена голубая печать съ словами по серединѣ: „*Земля и Воля*" и кругомъ „русскій центральный комитетъ". Послѣ текста воззванія объясняется, что оно напечатано въ типографіи общества *Земля и Воля*.

16) Подложный манифестъ отъ имени Александра II, составленный, кажется, поляками для распространенія въ Россіи,—перепечатанъ онъ былъ въ 166 № „Колокола" 20 іюня 1863 г.,—въ его распространеніи обвинялся офицеръ Чернякъ и другіе по казанскому дѣлу 1863 г.—Поляками же, кажется, было составлено еще нѣсколько прокламацій на русскомъ языкѣ, часть которыхъ была перепечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (въ 1869 г. № 1-3 въ статьѣ Райковскаго: „Польская молодежь въ Западномъ краѣ въ мятежѣ 61-63 гг."), въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1863 г. и т. д.

17) „Грамота сельскому народу", напечатана по руссински золотыми буквами, въ серединѣ листа изображенъ Христосъ, — перепечатана въ 29 № „Общаго Вѣча", подлинное изданіе вывѣшено, если не ошибаемся, въ одной изъ залъ Раперсвильскаго музея.

Съ 1864 г. надолго прекратилось въ Россіи изданіе прокламацій, — и только заграницей продолжалъ работать свободный станокъ: печатался „Колоколъ" Герцена и Огарева, выходили изданія Долгорукаго, съ 1868 г. появились „Современность" и „Народное Дѣло". Каракозовцы и нечаевцы заботились о постановкѣ тайныхъ типографій, но безуспѣшно. Худяковъ, по порученію своихъ друзей, съѣздилъ въ концѣ 1865 г. въ Женеву для основанія типографіи спеціально для печатанія книгъ для народа,—результатомъ его поѣздки было напечатаніе одной лишь брошюры „Для истинныхъ христіанъ". Для цѣлей пропаганды среди массъ Худяковъ издалъ нѣсколько книжекъ, изъятыхъ потомъ правительствомъ изъ обращенія, напр.: „Самоучитель", „Древняя Русь" и т. д. Въ 1869 г. появилась небольшая прокламація Ткачева по поводу студенческихъ движеній, напечатанная въ легальной типографіи безъ разрѣшенія цензуры. Въ томъ же году Нечаевъ началъ печатать въ Женевѣ рядъ своихъ прокламацій и разсылать по Россіи. Въ 1871 г. появились прокламаціи Гончарова, въ 1873 г. — Долгушина и Дмоховскаго.

Изъ перечисленныхъ нами изданій въ оригиналѣ у насъ имѣется только: „Что нужно народу?", „Свобода" № 1 и „Грамота", въ перепечаткахъ: „Великоруссъ", „Къ молодому поколѣнію", „Къ образованнымъ классамъ, „Земская Дума, „Молодая Россія", „Къ офицерамъ", прокламація о Шедо-Ферроти, „Долго насъ помѣщики душили", подложный манифестъ. — Нѣтъ у насъ совсѣмъ: „Мужицкой правды", „Къ офицерамъ", „Свободы" № 2, „Долго

давили васъ братцы", — навѣрное нѣтъ еще многихъ другихъ изданій, въ свое время печатавшихся въ тайныхъ типографіяхъ для распространенія въ народѣ и обществѣ. Дѣло нашихъ читателей провѣрить текстъ сохранившихся въ перепечаткахъ упомянутыхъ нами прокламацій и розыскать тѣ прокламаціи, которыхъ у насъ нѣтъ и о которыхъ мы даже не упоминаемъ здѣсь. — Намъ не приходилось также видѣть и слѣдующихъ литографированныхъ изданій: записки Петрашевскаго. „Колокола" (литографированное изданіе), „Западъ", изданій Зайчневскаго и пр.

Мы просимъ нашихъ читателей, на основаніи настоящей нашей статьи и сдѣланныхъ въ ней ссылокъ опросить немногихъ, оставшихся еще въ живыхъ, участниковъ революціоннаго движенія 60-хъ годовъ. Прокламаціи 60-хъ гг., намъ кажется, могутъ быть найдены въ петербургской публичной библіотекѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ или у библіофиловъ, заинтересовавшихся изученіемъ русскихъ общественныхъ движеній.

„Золотая Грамота", печатающаяся въ этомъ № „Былого", появилась уже въ 70-гг., и мы не знаемъ, кѣмъ она была издана. — ея не надо смѣшивать съ „Золотой Грамотой" Стефановича, подлиннаго текста которой, кстати сказать, у насъ нѣтъ, — а содержаніе ея передано въ статьяхъ Стефановича въ „Черномъ Передѣлѣ".

ЗЕМСКАЯ ДУМА.

Чтобы измѣнить существующій порядокъ управленія, основанный на насиліи, беззаконіи и произволѣ, раззоряющій Россію, развращающій народъ, образовалась партія — *земская дума*. Цѣль ея:

Полное освобожденіе крестьянъ со всею владѣемою ими землею и

Созваніе земской думы изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій для возстановленія новаго „Уложенія" и опредѣленія размѣровъ и способовъ вознагражденія помѣщиковъ средствами всего государства.

На дняхъ бывшее Общее Собраніе Думы изъ Депутатовъ отъ всѣхъ *областныхъ кружковъ*, дало намъ возможность счесть свои силы, опредѣлить программу дѣйствій и выступить какъ организованная партія.

Крайнимъ срокомъ мирной агитаціи для распространенія своихъ убѣжденій, мы назначаемъ день*) „Тысячелѣтія" Россіи. Къ этому сроку мы надѣемся предъявить правительству — въ совершенной неспособности котораго мы глубоко убѣждены — свои требованія въ такой формѣ, передъ которой оно должно будетъ уступить.

*) Августъ 1862 г. — Ред.

Чѣмъ меньше разумныхъ силъ останется къ этому времени на сторонѣ правительства, тѣмъ меньше будетъ оно въ состояніи противиться законнымъ требованіямъ народа, тѣмъ меньшихъ жертвъ будетъ стоить переходъ къ новому порядку. Поэтому, рѣшивъ во что бы ни стало достигнуть предположенной цѣли, мы обращаемся ко всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ съ просьбою и совѣтомъ идти за одно съ нами и не поддерживать существующаго порядка. Присоединяться къ намъ мы просимъ организованные кружки и лицъ, полагающихся на свои силы.

Типографія Земской Думы. Апрѣля 1862 года.

КЪ ОФИЦЕРАМЪ.

Офицеры! Настало время каждому честному офицеру спросить у своей совѣсти, чего ему держаться въ виду совершающихся событій.

Жизнь Россіи невозможна безъ коренныхъ реформъ. Правительство само это сознало; оно даже приступило къ нимъ и — струсило. Эгоистическое, нелюбящее Россіи, оно втягиваетъ государство съ пути реформъ въ путь революціонный. Оно само нарушаетъ мирный ходъ реформъ беззаконными поступками, безпрерывно являясь вооруженнымъ бунтовщикомъ противъ мирной Россіи: то стрѣляетъ безъ нужды по народу, то сѣчетъ его и ссылаетъ въ каторгу, то наполняетъ казематы студентами, то хватаетъ мирныхъ посредниковъ. Реформа, сопровождающаяся заточеніями, ссылкой, каторгой и обагряемая кровью, есть уже настоящая революція. Правительство первое стало прибѣгать къ оружію, оно само начало революцію и разовьетъ ее дальнѣйшими своими дѣйствіями. Отечеству нашему предстоитъ пора великихъ бѣдствій. Столкновеніе между правительствомъ, упорствующимъ остановить жизнь Россіи, и силою этой жизни — неизбѣжно. Изъ какихъ элементовъ составятся противныя стороны? Положительно можно сказать, что партіи сложатся не по сословіямъ, а по убѣжденіямъ. Въ этомъ столкновеніи сословія перемѣшаются. И потому ваши задачи — не искать, къ какому пристать сословію, а къ какимъ пристать убѣжденіямъ. И обдумать это, провѣрить свои и чужія убѣжденія надобно теперь-же. Въ минуту столкновенія разсуждать будетъ поздно — можно надѣлать горькихъ ошибокъ, въ которыхъ вѣчно придется раскаиваться.

На каждомъ человѣкѣ прежде всего лежитъ служба истинѣ и отечеству. Каждый русскій знаетъ, что для блага его родины необходимо: освободить крестьянъ съ землей, выдавъ помѣщикамъ вознагражденіе; освободить народъ отъ чиновниковъ, отъ плетей и розогъ; дать всѣмъ сословіямъ одинаковыя права на развитіе своего благосостоянія; дать обществу свободу самому распоряжаться своими дѣлами, устроить судъ гласный, и дать право каждому свободно высказывать свои мысли. Само правительство не можетъ отверг-

нуть честности этихъ убѣжденій. А между тѣмъ оно поведетъ васъ противъ нихъ. Васъ, русскихъ, заставитъ убивать русскихъ, давить жизнь Россіи. Дастъ вамъ роль безчестную, для того только, чтобы безотчетно распоряжаться достояніемъ Россіи, чтобы вашими штыками поддерживать насиліе, произволъ и развратъ, для того, наконецъ, чтобы васъ самихъ держать въ униженіи.

И чѣмъ отблагодаритъ оно васъ за позорную роль палачей? Новою благодарностью въ царскомъ завѣщаніи, подобно Незабвенному, который въ припадкѣ самодержавнаго безумія заклеймилъ свои войска передъ лицомъ Россіи. Но кто-же изъ васъ не краснѣетъ отъ такой благодарности? Офицеры, подумайте о времени, которое мы переживаемъ, подумайте *о бѣдномъ угнетенномъ, народѣ* и нашей жалкой *родинѣ*.

Мартъ. Село.

КЪ ОБРАЗОВАННЫМЪ КЛАССАМЪ.

Семь лѣтъ прошло съ того времени, когда Россія привѣтствовала новаго правителя съ радостными надеждами. Въ то время многіе готовы были забыть о кровавыхъ ранахъ—слѣдахъ николаевскихъ оковъ. Тернистый рядъ реакціонныхъ мѣръ, въ послѣднее время, слишкомъ горько свидѣтельствуетъ о томъ, какъ оскорбительно наругалось надъ всѣми законными требованіями и надеждами нынѣшнее правительство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта бѣшеная реакція правительства, быстро подвинула его на пути своего паденія: исторія положительно доказываетъ, что дряхлѣющія правительства всегда стараются поддержать свое существованіе однимъ гоненіемъ всего честнаго, обманами, подкупами, но тѣмъ самымъ только ускоряютъ свою гибель. Теперь, значитъ главный вопросъ для всѣхъ классовъ состоитъ въ томъ, —сколько невинныхъ жертвъ поглотитъ еще это правительство, обезумѣвшее отъ предчувствія своего паденія.

Желаніе напомнить образованнымъ классамъ, что пока еще отъ нихъ зависитъ способствовать болѣе или менѣе лучшему исходу этого вопроса, и заставляетъ насъ снова взяться за станокъ. И на такое напоминаніе мы имѣемъ полное право: его дало намъ изумительное ничѣмъ неоправдываемое легкомысліе ваше, гг. образованные классы. Мы достаточно долго молчали для того, чтобы насъ не смѣли заподозрѣть въ желаніи насильно навязывать свои воззрѣнія: теперь очередь за нами.

Появленіе „Молодой Россіи", случайно столкнувшееся съ появленіемъ пожаровъ,—вызвали всеобщее смятеніе, при которомъ правительство нашло возможность воспользоваться вашимъ пагубнымъ легковѣріемъ. Подкупные литературные органы правительства поспѣшили обвинить въ гнусныхъ поджигательствахъ образованную молодежь для того, чтобы вызвать противъ нея ненависть во всѣхъ сословіяхъ. И вы способны были повѣрить безобразной клеветѣ, вы готовы были даже просить защиты у петербургскаго правительства отъ призраковъ созданныхъ воображеніемъ? И правительство поспѣшило высказать свое отеческое

попеченіе о русскихъ гражданахъ объявленіемъ военнаго суда, разстрѣливанія, вѣшанія... даже за одно подозрѣніе. Такое безотрадное положеніе вызываетъ одинъ изъ двухъ вопросовъ образованнымъ классамъ: или вы безчувственны къ интересамъ своей родины, къ своей собственной безопасности? Или вы забыли, что такое петербургское правительство? Вся Россія объявлена на военномъ положеніи. Для правительственныхъ реакціонныхъ мѣръ воскресаютъ злодѣи, подобные Лауницу, кровожадная натура котораго поражала даже Николая, и получаютъ право вѣшать и разстрѣливать.... Ваши отцы, сыновья, братья томятся въ казематахъ, ни одинъ честный человѣкъ не можетъ быть увѣренъ, что его не схватятъ и не загубятъ въ каторгѣ.... Разстрѣляніе въ Варшавѣ офицеровъ и солдатъ (за № „Великорусса", которому сочувствовала вся Россія) служитъ по видимому только предлогомъ къ кровавой драмѣ, которую намѣрено разыграть петербургское правительство.... Возможность народнаго образованія уничтожена закрытіемъ всѣхъ школъ, вслѣдствіе самимъ-же правительствомъ изобрѣтенной клеветы; лучшіе органы общественнаго мнѣнія запрещены, а по новымъ варварскимъ правиламъ о печати въ литературѣ могутъ свободно царить только презрѣнные спекуляторы. (Краевскій, П. Павловъ, Усовъ, П. Мельниковъ, Кушнеровъ).

Въ недавнопрошедшемъ тотъ-же гнетущій произволъ, обманъ всѣхъ сословій со стороны правительства мнимымъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, пролитіе неповинной крови крестьянъ, побіеніе прикладами и штыками вашихъ братьевъ, сыновей-студентовъ, заключеніе ихъ въ казематы, гоненіе просвѣщенія. Въ близкомъ будущемъ тотъ-же губительный мракъ — обманъ, подкупы, преслѣдованіе всего честнаго.... Честные люди не должны и не могутъ оставаться равнодушными зрителями такого неестественнаго положенія!

— Опомнитесь! Поймите, что правительство, дѣйствующее такимъ образомъ, само ведетъ себя къ бездиѣ паденія; но пусть-же погибнетъ оно одно, не увлекая за собой всѣ образованные классы. Мы, ваши братья, не можемъ быть противъ васъ, но если вы будете на сторонѣ правительства, то народъ, грозное возстаніе котораго близится, будетъ противъ васъ и насъ — не имѣющихъ права и ни малѣйшаго желанія отстать отъ народа въ минуту роковой борьбы. Правительство губитъ сотни людей вь казематахъ, а нашъ станокъ стоитъ безвредно и будетъ стоять. Правительству пора было-бы понять, что никакія угрозы не могутъ заставить людей отказаться отъ того, что составляетъ вопросъ ихъ жизни, и что каждое преступное дѣйствіе его только усилитъ энергію людей, посвятившихъ жизнь свою великому дѣлу освобожденія. Чѣмъ же искупитъ правительство гибель невинныхъ жертвъ? Чѣмъ же искупите вы, своимъ потворствомъ допускающіе правительство къ злодѣйствамъ и преступленіямъ?....

ДОЛГО НАСЪ ПОМѢЩИКИ ДУШИЛИ!

Долго насъ помѣщики душили,
   Становые били,
И привыкли всякому злодѣю
   Подставлять мы шею.
Въ страхѣ насъ квартальные держали,
   Нѣмцы муштровали.
Что тутъ дѣлать, долго-ль до напасти
   Покоримся власти.
Міроѣды тѣмъ и пробавлялись,
   Надъ нами ломались:
Мы-де глупы, какъ овечье стадо,
   Стричь, да брить насъ надо.
Про царей попы твердили міру,
   Съ пьяна или съ жиру —
Самъ-де Богъ помазалъ ихъ елеемъ
   Какъ же пикнуть смѣемъ?
Судъ Шемякинъ, до Бога высоко,
   До царя далеко,
Царь сидитъ тамъ въ Питерѣ, не слышитъ.
   Знай — указы пишетъ.
А указъ какъ бисеромъ нанизанъ,
   Не про насъ лишь писанъ;
Такъ и этакъ ты его читаешь —
   Все не понимаешь.
Каждый бутырь звалъ себя съ нахальствомъ
   Малымъ начальствомъ.
Знать, и этихъ, господи ты боже,
   Мазалъ масломъ тоже.
Кто слыхалъ о 25-мъ годѣ
   Въ крещенномъ народѣ?
Когда бы мы тогда не глупы были
   Давно-бы не тужили.
Поднялись въ то время на злодѣевъ
   Кондратій Рылѣевъ,
Да полковникъ Пестель, да иные
   Бояре честные.
Не съумѣли въ тѣ поры мы смѣло
   Отстоять ихъ дѣло,
И сложили головы за братій
   Пестель, да Кондратій.
Не найдется чтоль у насъ инова
   Друга Пугачева,
Чтобы крѣпкой грудью всталъ онъ смѣло
   За святое дѣло?

ПОДЛОЖНЫЙ МАНИФЕСТЪ 1863 г.

Въ постоянной заботливости Нашей о благѣ вѣрноподданныхъ Нашихъ, Мы, указомъ въ 19 день февраля 1861 года, признали за благо отмѣнить крѣпостное право надъ сельскимъ сословіемъ Богомъ ввѣренной намъ Россіи.

Уступая просьбамъ помѣщиковъ, Мы, какъ ни тяжело было Нашему Монаршему сердцу, повелѣли однако всѣмъ временно-обязаннымъ крестьянамъ оставаться въ теченіе двухъ-лѣтняго срока, т. е. по 19 февраля настоящаго 1863 года, въ полной подчиненности у ихъ бывшихъ владѣльцевъ.

Нынѣ, призвавъ Всемогущаго на помощь, настоящимъ Манифестомъ объявляемъ полную свободу всѣмъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, къ какому бы званію и состоянію они не принадлежали. Отнынѣ свобода Вѣры и выполненія обрядовъ ея Церкви составитъ достояніе всякаго.

Всѣмъ крестьянамъ, какъ бывшимъ крѣпостнымъ, такъ и государственнымъ, даруемъ въ опредѣленномъ размѣрѣ землю безъ всякой за оную уплаты какъ помѣщикамъ, такъ и государству, въ полное, неотъемлемое, потомственное ихъ владѣніе.

Полагаясь на вѣрность Народа Нашего и признавъ за благо для облегченія края упразднить армію Нашу, Мы отнынѣ впредь и навсегда освобождаемъ Нашихъ любезныхъ вѣрноподданныхъ отъ всякаго рода наборовъ и повинностей рекрутскихъ; затѣмъ солдатамъ арміи Нашей повелѣваемъ разойтись на мѣста ихъ родины.

Уплата подушныхъ окладовъ, имѣвшихъ назначеніемъ содержаніе столь многочисленной арміи, со дня изданія сего Манифеста отмѣняется. Всѣмъ солдатамъ, возвращающимся изъ службы, также всѣмъ дворовымъ людямъ, фабричнымъ и мѣщанамъ повелѣваемъ дать безъ всякаго возмездія надѣлъ земли изъ казенныхъ дачъ обширной Имперіи Нашей.

Въ каждой волости, равно въ городѣ, народъ избираетъ четырехъ пользующихся его довѣріемъ человѣкъ, которые, собравшись въ уѣздномъ городѣ, изберутъ совокупно уѣзднаго старшину и прочія уѣздныя власти; четыре Депутата отъ каждаго уѣзда, собравшись въ губернскій городъ, изберутъ губернскаго старшину и прочія губернскія власти. Депутаты отъ каждой губерніи, призванные въ Москву, составятъ Государственный Совѣтъ, который съ Нашей помощью будетъ управлять всей Русскою землею.

Такова Монаршая Воля Наша.

Всякій, объявляющій противное и неисполняющій сей Монаршей Воли Нашей, есть врагъ Нашъ. Уповаемъ, что преданность народа оградитъ престолъ Нашъ отъ покушеній злонамѣренныхъ людей, не оправдавшихъ Наше Монаршее довѣріе.

Повелѣваемъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ вѣрить одному Нашему Монаршему слову. Если войска, обманываемыя ихъ начальниками, если генералы, губернаторы, посредники, осмѣлятся силою

воспротивляться сему Манифесту—да возстанетъ всякій для защиты даруемой Мною свободы и не щадя живота выступитъ на брань со всѣми дерзающими противиться сей Волѣ Нашей.

Да благословитъ Всемогущій Господь Богъ Начинанія Наши!

Съ Нами Богъ, разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ Нами Богъ!

Данъ въ Москвѣ въ тридцать первый день Марта въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ третье, царствованія же Нашего въ девятое.

Въ подлинномъ собственною Е.И.В. рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Печатано въ С.-Петербургѣ при Правительствующемъ Сенатѣ.

(Отъ редакціи „Колокола“.)—Велика отвѣтственность, которую берутъ на себя авторы такого рода воззваній. Путь этотъ опасенъ — народъ перестанетъ вѣрить печатному слову.

Мы увѣрены, что общество „*Земли и Воли*“, принимающее за правило устранять отдѣльныя попытки, не имѣетъ никакого участія въ составленіи этого манифеста. Мы не сомнѣваемся, что это воззваніе сдѣлано людьми благородными, но не сообразившими между прочимъ и того, что они въ немъ поддерживаютъ старую, несчастную мысль, что царь хочетъ дать настоящую волю, только ему все кто-то мѣшаетъ, въ то время когда ясно, что не только другіе мѣшаютъ царю, но онъ самъ себѣ мѣшаетъ, потому что онъ самъ настоящей воли дать не хочетъ.

Если этотъ манифестъ изданъ особымъ кружкомъ, то нельзя не посовѣтовать ему и всѣмъ другимъ присоединиться къ главному обществу и дѣйствовать тогда съ единствомъ плана.

Хорошо и правительство, которое за распространеніе какого-то листка, *не имѣвшаго никакого дѣйствія*, отдало всю Россію и всѣхъ русскихъ произволу губернскихъ начальствъ, т. е. дикихъ губернаторовъ вродѣ пермскаго Лашкарева. „Подобныя преступленія не должны оставаться безнаказанными, хотя бы цѣль, къ которой они направились, и была для нихъ недостижимою. Губернскимъ начальствамъ вмѣнено въ обязанность, по высочайшему повелѣнію, предавать распространителей лже-манифеста и *другихъ* возмутительныхъ воззваній военному суду, *на тѣхъ основаніяхъ*, *) на которыхъ въ прошедшемъ году повелѣно было производить военно-судныя дѣла о поджигателяхъ.„

ЗОЛОТАЯ ГРАМОТА.

„Разомъ съ Польщою и Лытвою пиднявшись протуиву Московського паноуванія, щобъ добоуты вичну свободу и щаслыву долю цилои нашои краины, заявляемъ передъ Богомъ, цилымъ

---

*) Т. е. неосновательнымъ образомъ разстрѣливать, какъ два года тому назадъ разстрѣляли несчастнаго еврея въ Одессѣ. (Примѣчаніе Герцена.)

свитомъ и народомъ, що другого щастія не жадаемъ для дорогои нашои краины и не вышоукоуемъ его нигде бильше якъ тильки въ воли, свободи, ривности и щастіи всихъ мирянъ, якоибъ воны виру и стару не булы. А жадаючи найбильшэ щастія сельского люду на вични часы постановляемъ:

А. Сельскій людъ въ селахъ и хуторахъ паньскихъ и казіонныхъ, однодворци, чиншовныки и такъ дальше, видъ сіого дня вольни, свободни и ривни въ правахъ другымъ обывателямъ краины.

Б. Можуть и мають право переходыты зъ мисьця на мисьце до сподобу, и нихто имъ къ тому перескожаты не буде.

В. Можуть и мають право оучитысь во всякихъ школахъ и буты въ краіовои службі на ривни зъ другыми обывателямы краины.

Г. Разомъ съ другыми мають право выбераты зъ помежъ себе выборныхъ до судивъ, радъ, и оурадивъ сельськихъ. повитовыхъ, земськихъ и найвыщихъ народныхъ.

Д. Будуть судытысь и правытысь наривни зъ другыми, тильки своими судами и властямы, зложенными зъ выборныхъ, маюшихъ стерегты святои спрвидлывости, законивъ и безпечности особъ и добутки кожного.

Е. Подати народни, земськи повинности и людей до народного війська будуть даваты тильки зъ постановою и дозволеніемъ найвыщои краіовои рады, зложенои зъ выборныхъ видъ цилои краины.

Ж. Земли орни, сыножати и садыбы паньски и казіонни, котори за чиншъ або за видробитки, або на выкупъ держалы селяне, будуть видъ сіого дня на вични часы власнистію кожного хозяина безъ жаднои за нихъ платы. Дидычи за ци ихъ земли будутъ маты плату зъ народніого скарбу.

З. О надили землею сельскихъ людей, котори доси еі не малы, якъ будныки, бобыли, халупныки, двирски люде, і т. д. постановыть въ слушнымъ часи найвыща краіова Рада.

И. Однодворци и чиншова шляхта будуть маты на вичну слачнисть наривни зъ селянами земли садыбнои и грунтовои зъ земель пеньскнхъ де буду еі до волн за плату зъ народноіого скарбу, або зъ коронныхъ земель.

І. Сельскимъ священныкамъ православнымъ — оприч церковнои земли, назначаемъ плату грипімы, щобъ тилькн не потребовалы воны видъ люду платы за духовны послугы, а скильки приідеться платыты всякому священныкови, скаже найвыща краіова Рада.

К. О кроме всіого сказанного, кажному хто підійметься оружно зъ намы противу Московськаго панования, або здоровъ выйде, або зостанеться раннымъ; наділять найменшъ шість мургивъ земли и садыбу, въ земляхъ коронныхъ, або до смертноу плату зъ народніого скарбу.

Л. Сельскому людови надаючи выще просказани права вольности, обывательскои ривности всихъ передъ кожнымъ и земськои

ласности, ручаемъ и вично обицяемъ свободу правъ, виры якои хто прыдевжуеться и оуживанія своей мовы въ школахъ, судахъ и другихъ земськихъ росправахъ.

Все выше пысане, оглашаючи сельскому людови Подоля, Волыня и Оукраины захованье и оборону правъ, наданыхъ цею грамотою, прысягаемъ передъ народомъ, цилымъ свитомъ и Всемогущимъ Богомъ. Въ Господне попеченіе виддаючи долю народа, которому вичного добра жадаемъ а цю грамоту виддаемъ до волостнои управы, на кожну волость.

Тымчасова Народня Старшына. (М. П.)

ЗОЛОТА ГРАМОТА.

Товариство!

Дуже тяжко, дуже важко дивитись, як наші батькі, брати рідні за святую правду муки терплять!

Серце кровью обливаетця, як дивишься на ті знущення, на ті розбійства, котрі ідуть з рук наших заклятых ворогів!

А за віщо така напасть на нас? —Святий знае!.. Світ, бачься, широкий, та горе наше, що для нашого рідного брата нема на сім світі міста.

Але бог создав світ для усіх людей. Создав він его таким широким, роскішним, та гарним, що усім хватило-б міста, усім було-б любо жити.

Усі люде рівні. Усяк рождаетця однакого на цій світ и нагим, и слабим. Бог не создав ни худших, ни лучшихъ, ни богатих, ни бідних. Усяк мае право на сім світі жiти так, як и всякий другий и наслаждатись усім, що е на сім світі так, як и всякий другий.

Усяк мусіть робить и помогать друг другу, усяк мусіть любить другого, як рідного брата. Дармоідам, грабителям, котрі упиваютця кровью та потом других, не мае міста на сім світі, не мусють вони буть. Від них людский плач, від них людскі муки.

Хто-ж захватив світ в свои рукі? Хто. орудуе світом?

Цари, пани захватили світв в свої рукі, вони орудують ім!

Орудують ті, котрі серед білого дня уміють нас, бідних, різати, грабувати, топити, душити та від зорі до зорі нашим тяжким трудом, нашим потом-кровью упиватись.

Цари та пани ограбували нас з голови до ніг, усе захватили вони у свої руки, захватили вони и останте богатство наше, — захватили вони душу людську, и трепещетця вона у іх грабительских, окровавленних руках.

О, Боже, милий Украіни! Скажи ж, чи е на сім світі правда?

Чую, чую, що правды немае, немае!... И не буде и на сім світі, покибудуть богатиі, поки у одного буде земли од краю до краю, а другому, сердеги, ледве зоставлять те, де заховають.

На кого-ж нам надіятись, голотьби нашоі бідноі?

Відкиля, з якоі сторони нам поради ждати?

Нам ні на кого нанадіятись. Ми сами за седе. Ми—сила. сами за себе, ми — сила.

Нам тільки слід гуртом забижати завести правду ни земли

и скинуть з своих намуленних плеч дармоидську и грабительску вагу, — усе тоді буде наше и усе буде по нашому.

Браті мої рідні, схаменитця! годі на царя надіятися!

Царь сам первий пан між панами, первий богач між богачами.

Царъ не наш, — царь панський.

Царь первий грабитель, первий разбійникъ між разбійниками.

Цари закріпостили нас. Вони, хамскі, грабительскі, души, запродали нас на знущенення та из снучення в панськи руки. Царі дозволяли панам здирать батогами з нашого тіли шкуры. Царі дозволяли мінять нас на хортів та на коней.

Хто-ж инший, як не царська паскудна, ехидна милость піднесла нам обшарпану, обидрану волю?

Хто-ж, як не тій самий царь, за усі мучення наші наділив нас обрізанними шматками нікчемної земли?

Хто-ж, як не царь відміряв панам землі од краю до краю?

В яку-ж иншу, як не у царську казну зносимо остатні наші крівні гроши за ті нікчемні клапті, землі та за те, що нас мате на горе та на несчастье на білий світ породила?

На яке діло ні глянь так скріз видно работу царських рук.

Та ще у нас и язик ворочаетця казати що царь не знае наших мук! Ще після усего ми надіемось на царя-грабителя, царя мучителя, царя—ворога нашого клятого!

Чи вже-ж у нашої голові, панове брате, якойсь клепки немае?

Чи вже-ж, товариство. ми на вікі, так таки дурними і зостанемось.

В другий раз гукаю: гей, товариство, схаменитця! ще не пізно!

В Чигирині та Старостві тепер по царському указу нас мучать ріжуть, бьють; кіньми царськими топчать нас и наших дітей!

Наших братів, батьків рідних в заліза кують, та по острозям нудять.

Нас грабують, остытне збижже руйнують, то за безцінок, продають. А ми и наші діти, мали неповинни діти, з голоду пропадаем. А за вищо?

Бач, панове-брате, з шматка земли нікчемної іміце урвати треба! Податів, крові нашої за ці шматки ім треба! А ми — усі ті муки терпим, та на Царя надіемось... О, сором! сором! Наше безголовье!

Ні! буде з нас! годі терпиті!

А ну, лишень, згадаймо нашу славну Уманську різню! А ну, лишень, згадаймо наших славних Залізняка та Гонту! Гей, брати наши украиньці! покропив слезами гіркими пожи наши, сговоримось од краю до краю и встанемо як один чоловік на святе діло.

Нехай прогремить правдива гроза наша над іх грабительскими аспидскими головами! Нехай запалаеть земля з кінця в кінець огнем горючим, щоб сгинули наши грабители, наши

мучители! Нехай, як та палюча блискуча молоня, пронесетця, наша правдива та щира мова від краю до краю!

Нехай лихо затанцюе! Нехай пекло затрясетця!

Оце-ж одна наша порада! Оце-ж наша вірна надія!...

Поклянемся-ж, брати рідні, поклянемся один перед другим добути собі або смерти, або святоі правди и воли!

Поклянемся битьця один за другого до послідній каплі крови!

Гей, товариство, брати моі рідні, Украінці и всяка друга бідна голотьба!

Вставайте на святе діло! — Годи терпити!

Зірка засяла кровавим цвітом — буде година! Ходім-же панове-брате, добувати собі *Землю, Волю та святую правду.*

Ще раз гукаю:

Гей, товариство! берить ножи у руки, та дайте-ж своимъ ворогам муки за муки!!..

Дѣло Черняка въ 1865 г.

(„Московскія Вѣдомости“ № 232, 1865 г., 11 октября.)

Сегодня разстрѣлянъ въ Казани бывшій поручикъ 48-го пѣхотнаго Одесскаго полка, *Чернякъ*, осужденный военнымъ судомъ по полевымъ уголовнымъ законамъ за принятіе дѣятельнаго участія въ замышлявшемся въ 1863 году вооруженномъ возстаніи въ этомъ городѣ, за побѣгъ послѣ того въ Вильну, во время бывшаго тамъ возмущенія, и предводительствованіе мятежною шайкою въ Виленской губерніи.

Преступленіе Черняка, какъ православнаго по формуляру и офицера, получившаго высшее образованіе, можно объяснить только тѣмъ, что онъ въ душѣ былъ полякъ-шляхтичъ. Такимъ онъ открыто и признавалъ себя даже въ показаніяхъ своихъ во время суда. Онъ принадлежалъ къ числу главныхъ виновниковъ безумнаго заговора и раздѣлилъ ту-же судьбу, какая постигла въ прошломъ году прочихъ важныхъ его соучастниковъ: Кеневича, Иваницкаго и другихъ.

По показанію самаго Черняка, главнымъ дѣятелемъ въ этомъ заговорѣ является сынъ польскаго эмигранта, Іеронимъ *Кеневичъ*. Изъ дѣла оказывается, что Кеневичъ былъ агентомъ центральнаго революціоннаго комитета. Въ мартѣ 1863 года Чернякъ познакомился съ нимъ въ Петербургѣ черезъ отставного офицера Хализа (въ послѣдствіи умершаго). Кеневичъ, объявивъ ему, что возстаніе во всѣхъ польскихъ провинціяхъ приняло огромные размѣры, и что Франція готовится къ войнѣ за возстановленіе Польши, убѣдилъ его принять участіе въ возстаніи. Между прочими доводами Кеневичъ сообщилъ Черняку, что онъ по порученію „Жонда народоваго“ имѣлъ свиданіе съ агентомъ русскаго революціоннаго общества, „Земля и Воля“, который подалъ ему надежду, что многіе русскіе офицеры и солдаты перейдутъ въ ряды повстанцевъ, и что лѣтомъ, быть можетъ, вспыхнетъ возстаніе во внутреннихъ губерніяхъ.

Потомъ Кеневичъ опять видѣлся съ Чернякомъ и сообщилъ ему, что онъ убѣдился, что тенденціи общества „Земля и Воля“ состояли въ томъ, чтобы путемъ пропаганды письменной и словесной, работая хотя десятки лѣтъ, распространять во всемъ народѣ русскомъ свои идеи и этимъ достигнуть цѣли общества. Такимъ образомъ, очевидно, русское революціонное общество не намѣрено сдѣлать вооруженнаго возстанія. Но Кеневичъ, считая возмущеніе на югѣ Россіи весьма важнымъ подспорьемъ для польского возстанія, задумалъ самъ, независимо отъ русскихъ революціонеровъ, устроить это дѣло. Планъ его былъ слѣдующій: основываясь на томъ, что Приволжье было не разъ театромъ народныхъ смутъ, онъ находилъ, что достаточно будетъ распространить тамъ подложный царскій манифестъ, дающій самыя широкія права крестьянамъ, чтобы поднять весь приволжскій народъ.

Это дѣло Кеневичъ задумалъ вести, прикрываясь именемъ русскихъ революціонеровъ. Для этого ему нужно было завести связи съ какимъ-нибудь городомъ на низовьѣ Волги, но такъ какъ у него въ этихъ мѣстахъ знакомствъ никакихъ не было, то онъ спросилъ Черняка, не знаетъ ли онъ кого нибудь, къ кому-бы можно было обратиться съ этимъ дѣломъ. Поручикъ Чернякъ сказалъ, что у него есть въ Казани родственникъ, штабсъ-капитанъ Иваницкій, человѣкъ рѣшительный и готовый на все, что только можетъ принести пользу польскому дѣлу. Тогда Кеневичъ упросилъ его съѣздить въ Казань для личнаго свиданія съ Иваницкимъ и разузнанія, насколько возможно исполненіе его плана. Чернякъ согласился. Послѣ того Кеневичъ уѣхалъ въ Москву и обѣщалъ ожидать его тамъ. Взявъ 28-дневный отпускъ, Чернякъ отправился также въ Москву, гдѣ Кеневичъ показалъ ему напечатанный подложный царскій манифестъ, сказавъ, что этого манифеста заготовлено имъ заграницей 1000 экз. Затѣмъ Кеневичъ далъ ему окончательную инструкцію, какъ онъ долженъ дѣйствовать въ Казани. Инструкція эта заключалась въ томъ, что Чернякъ долженъ былъ черезъ Иваницкаго узнать, нѣтъ ли здѣсь какого нибудь революціоннаго общества, и если есть, то стараться видѣться съ нѣсколькими членами и объявить имъ, что въ обществѣ „Земля и Воля“ произошло раздѣленіе, что значительное большинство, во главѣ котораго стоитъ Бакунинъ, находитъ настоящее время, когда войска отвлечены на западъ по случаю польскаго дѣла, весьма удобнымъ для произведенія возстанія въ Россіи, что онъ, Чернякъ, одинъ изъ агентовъ этого большинства, въ удостовѣреніе чего и далъ ему рекомендательное письмо на имя представителя русскихъ революціонеровъ съ подписью Бакунина, и такъ какъ время дорого и терять его на подготовленіе народа къ возстанію было бы теперь неумѣстно, то партія радикаловъ рѣшилась прибѣгнуть къ слѣдующему средству: пользуясь напряженнымъ ожиданіемъ крестьянами какой-то особой воли, распространить подложный царскій манифестъ, удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ крестьянъ, и произвести такимъ образомъ возстаніе, а начавъ оное, легко будетъ придать ему характеръ, со-

образный съ цѣлями революціонеровъ. Наконецъ, объяснивъ имъ все это, вызвать ихъ къ принятію участія въ этомъ дѣлѣ.

Въ половинѣ марта Чернякъ отправился съ этимъ порученіемъ въ Казань и, вызвавъ по эстафетѣ Иваницкаго изъ Спасска, сообщилъ ему о цѣли своего пріѣзда и спросилъ его, не знаетъ-ли онъ о какомъ нибудь революціонномъ обществѣ въ Казани. Иваницкій отвѣчалъ ему, что между студентами въ Казани есть много молодыхъ людей съ революціоннымъ направленіемъ, и вызвался доставить ему свиданіе съ нѣсколькими изъ нихъ. На другой день поручикъ Чернякъ вмѣстѣ съ Иваницкимъ отправился къ студенту Полиновскому, у котораго собралось нѣсколько его товарищей по университету. Предъявивъ имъ письмо Бакунина и сообщивъ, что слѣдовало по инструкціи Кеневича, Чернякъ предложилъ имъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Студенты распрашивали, большое ли это общество и есть ли у нихъ достаточныя денежныя средства. Чернякъ отвѣчалъ, что въ Приволжскія губерніи будетъ выслано до 100 человѣкъ, а денегъ есть достаточно: по крайней мѣрѣ, остановки въ этомъ не будетъ. Выслушавъ все это, они не дали ему рѣшительнаго отвѣта, а обѣщали прислать уполномоченнаго.

Въ тотъ же день вечеромъ, къ Черняку явился какой-то господинъ и заявилъ, что на произведеніе возстанія въ Казани и окрестностяхъ они согласны, но только, чтобы для возбужденія народа употребить не предлагаемые манифесты, а свои прокламаціи въ соціальномъ духѣ. По уходѣ уполномоченнаго, Чернякъ сказалъ Иваницкому, что, кажется, изъ этого дѣла ничего не выйдетъ. Иваницкій предложилъ ему согласиться на всѣ ихъ желанія, прислать къ нему сколько можно денегъ и хотя 10 револьверовъ, а также нѣсколько сотъ экземпляровъ манифеста; причемъ обѣщалъ уговорить студентовъ начать возстаніе взятіемъ Казани.

Исполнивъ такимъ образомъ порученіе, Чернякъ на другой день уѣхалъ въ Москву и сообщилъ обо всемъ Кеневичу, которому планъ Иваницкаго весьма понравился, тѣмъ болѣе, что по его словамъ, обѣщавшіе принять участіе въ этомъ дѣлѣ измѣнили ему, и что для разбрасыванія манифеста у него въ распоряженіи только до 5 человѣкъ. Послѣ того, въ первыхъ числахъ апрѣля, Кеневичъ, собравъ деньги и приготовивъ все, чего требовалъ Иваницкій, отправилъ все это со студентомъ Сильвандомъ, при письмѣ Черняка къ Иваницкому, одобряя его планъ и поручая привести его въ исполненіе.

Затѣмъ Чернякъ получилъ письмо отъ Иваницкаго съ извѣщеніемъ, что въ Казань ѣхать уже опасно. Поэтому Чернякъ просилъ Кеневича доставить его въ Вильну и, получивъ отъ него паспортъ на имя Довнара, отправился въ слѣдъ за Кеневичемъ, который ѣхалъ туда-же. Тамъ Кеневичъ въ двадцатыхъ числахъ апрѣля принесъ ему документъ съ печатью Жонда, которымъ Жондъ наименовалъ его военнымъ начальникомъ Трокскаго уѣзда. Въ этомъ званіи, командуя мятежническою шайкою, Чернякъ нѣсколько разъ участвовалъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ на-

нихъ войскъ, а въ мѣстечкѣ Ольkеникахъ, были по его распоряженію ограблены изъ волостнаго правленія 500 руб., назначенныхъ для расходовъ по ремонтировкѣ дорогъ. Наконецъ, когда провіанта оставалось мало, и мѣстные жители перестали оказывать инсургентамъ содѣйствіе, а напротивъ угрожали доносами, Чернякъ распустилъ свою шайку и съ товарищемъ (фамиліи котораго не открылъ) скрывался у одного помѣщика, около года. Потомъ, желая пробраться заграницу, прибылъ въ Ригу, но тамъ по желѣзной дорогѣ, по подозрѣнію задержанъ; на допросѣ ложно назвался дворяниномъ Шишко, затѣмъ на передопросѣ въ Вильнѣ, въ особой коммиссіи открылъ настоящее свое званіе, во всемъ вышеизложенномъ призналея и все это подтвердилъ въ коммиссіи военнаго суда. Кромѣ того, сознаніе Черняка подтверждено было обстоятельствами дѣла. Въ отношеніи-же сообщника его, Кеневича, судившіеся въ одно время съ нимъ преступники Маіевскій, Новицкій, Госцевичъ и Ольхновичъ сознались, что они дѣйствительно были посланы Кеневичемъ для разбрасыванія подложныхъ манифестовъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и что Кеневичъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ предполагавшемся возстаніи въ Казани.

ДѢЛО НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ГОНЧАРОВА.

16 февр. 1872 г. спб. судебная палата, въ усиленномъ составѣ, съ г.г. сословными представителями разсмотрѣла дѣло о дворянинѣ Гончаровѣ, обвиняемомъ въ составленіи, напечатаніи и распространеніи воззваній преступнаго содержанія, а также въ проживательствѣ съ чужимъ видомъ. Прочитанъ былъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

Въ маѣ мѣсяцѣ 1871 г. появилось въ С.-Петербургѣ нѣсколько печатныхъ воззваній подъ заглавіемъ: „*Висѣлица*“. Одно изъ таковыхъ воззваній было 20-го мая представлено приставу 1-го участка Адмиралтейской части либавскимъ гражданиномъ Освальдомъ Корномъ, коимъ оно вынуто изъ замочной скважины входной двери одной изъ квартиръ дома Гулакъ-Артемовскаго, на Малой Морской, въ которомъ Корнъ былъ у одного изъ своихъ знакомыхъ. Въ то-же время жена коллежскаго совѣтника Марія Ершова, возвращаясь въ занимаемую ею на углу Казанскаго проспекта и Кадетской улицы, въ домѣ Стуккей, квартиру, подняла на лѣстницѣ печатный листокъ, который вслѣдъ затѣмъ передала жильцу своему, подпоручику Николаю Перепелицыну, представившему его помощнику пристава Охтенскаго участка. Листокъ этотъ оказался тою-же прокламаціей „Висѣлица“, на которой былъ выставленъ № 2.

Независимо отъ сего, прокламаціи эти были разсылаемы и по почтѣ изъ С.-Петербурга въ другіе города. Такъ, Войска Донского коллежскій регистраторъ Жигмановскій предъявилъ въ началѣ мая наказному атаману сего войска два номера ихъ, полученные имъ безъ какого либо письма или указанія на то, кѣмъ они при-

сланы. Еще ранѣе того, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, проживавшая въ гор. Нижнемъ-Новгородѣ дочь надворнаго совѣтника Надежда Успенская получила изъ С.-Петербурга черезъ почту одинъ за другимъ два экземпляра названной прокламаціи, которыя были означены: первые два—№1, а послѣдніе—№2. Въ первомъ конвертѣ была вложена писанная неизвѣстнымъ Успенской почеркомъ записочка слѣдующаго содержанія: „Надежда Гавриловна! Прошу показать Вашимъ знакомымъ. Записочку уничтожьте. Вашъ утренній знакомый.“ Кромѣ того на первомъ конвертѣ было написано: „Отъ Ворониной.“ и на послѣднемъ: „Отъ Петровой.“ Всѣ эти конверты, письмо и воззванія Успенскою, по объясненію ея, вслѣдъ за полученіемъ ихъ уничтожены. Наконецъ, по распоряженію полиціи, задержано въ С.-Петербургѣ нѣсколько экземпляровъ воззваній „Висѣлица“, опущенныхъ въ городскіе почтовые ящики и предназначавшіяся къ разсылкѣ въ разныя мѣстности. Означенныя воззванія, числомъ четыре, имѣютъ одно общее всѣмъ заглавіе: *„Висѣлица“, періодическій листокъ. „С.-Петербургъ.“* и первыя два, а равно послѣднее, подписаны: *„Коммунистъ.“*, третье же буквою *„я“*. На первомъ изъ нихъ стоитъ: *„13 апрѣля 1871 г.“* на 2-мъ—*„24 апрѣля 1871 г.“*, на 3-мъ—*„4 мая 1871 г.* и на послѣднемъ—*„4 мая г.“*

Въ 1-мъ № этого листка выражается увѣренность, что начавшаяся въ Парижѣ революція распространится повсюду и такимъ образомъ проникнетъ и въ Россію; что появленіе ея должны возвѣстить сильные волей и кипучіе страстью молодые русскіе люди, которые разобьютъ власть и во всемъ сравняютъ людей. Во 2 №, говоря о проектахъ Каткова относительно классическаго образованія, составитель прокламаціи, называющій его рабомъ, висѣльникомъ и подлецомъ, погубившимъ десятки тысячъ людей, выражаетъ желаніе, чтобы онъ былъ убитъ, и чтобы это убійство было началомъ грядущихъ событій. Въ 3 №, озаглавленномъ словами: „Чего мы хотимъ“, говорится о томъ, что прежде всего нужна кровавая расправа съ неравенствомъ и потомъ побѣда русской революціи, остальное же совершится само собой. Для этого надо пользоваться тѣмъ, что есть, и готовить пріемъ революціи, отъ которой погибнетъ міръ. Прокламація эта заканчивается проклятіемъ этому міру слезъ и несчастій и братскимъ привѣтомъ русскимъ революціонерамъ. Въ послѣднемъ № содержится обращеніе ко всѣмъ честнымъ людямъ, кои должны откликнуться погибающему Парижу и возобновить начатое имъ дѣло революціи. Прокламація эта оканчивается словами: *„Пусть нашъ скромный призывъ будетъ началомъ этого отклика... Выступайте на борьбу съ окружающими разбойниками... Къ оружію! Къ оружію!“*

Подозрѣніе въ составленіи, напечатаніи и распространеніи сихъ воззваній пало на бывшаго слушателя Технологическаго Института, дворянина Гончарова... Задержанный вслѣдствіе этого подозрѣнія 6 іюля, Гончаровъ въ означенномъ преступленіи при дознаніи, какъ и при слѣдствіи, сознался, причемъ первоначально объяснилъ совершеніе его тяжелыми нравственными обстоятель-

ствами, но впослѣдствіи отказался отъ этого показанія, приписавъ его поспѣшности и не совсѣмъ спокойному состоянію духа, при коихъ онъ давалъ свои первыя объясненія. Печатаніе прокламацій произведено имъ при помощи шрифта, полученнаго имъ отъ одного знакомаго, назвать котораго онъ не хочетъ. Станкомъ служилъ невысокій ящичекъ, величиной формата прокламацій, въ коемъ обвиняемый устанавливалъ буквы, которыя помощью подушечки покрывалъ слоемъ черной масляной краски. Послѣ этого, наложивъ на нихъ листокъ бумаги, онъ накладывалъ сверху книгу и защемлялъ все это въ ручныя тиски. Заглавное слово „Висѣлица" обвиняемый приготовилъ изъ мѣдныхъ пластинокъ, предназначавшихся для фабричнаго штемпеля. Каждаго номера прокламаціи было напечатано имъ до 20-ти штукъ, изъ коихъ не болѣе 10 можно было читать. Всѣ эти 40 экземпляровъ были имъ опущены въ почтовые ящики и собственноручно разбросаны по неизвѣстнымъ ему лѣстницамъ. Выѣхавъ 22-го мая изъ С.-Петербурга, Гончаровъ прибылъ 23-го мая въ Вильну, гдѣ прописался подъ именемъ студента Медико-Хирургической Академіи Мирона Чудновскаго, ему неизвѣстнаго, но билетъ коего найденъ имъ въ С.-Петербургѣ на улицѣ и представленъ имъ вмѣсто своего потеряннаго имъ вида къ пропискѣ въ виленскую полицію. Дѣйствіе это совершено Гончаровымъ, по объясненію его, для увеличенія своей вины. Вслѣдствіе сего дворянинъ Николай Гончаровъ обвиняется въ томъ, что въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1871 года составилъ, напечаталъ и распространилъ въ С.-Петербургѣ и внѣ его до 40 экземпляровъ четырехъ различныхъ воззваній съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти.

Спб. судебная палата въ особомъ присутствіи, на основаніи 1.032 ст. Уст. Угол. Судопр. образованномъ, 16 фев. 1872 г., разсмотрѣвъ дѣло о дворянинѣ Н. Гончаровѣ, 23-хъ лѣтъ, опредѣлила: лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать его въ каторжныя работы на заводахъ на шесть лѣтъ, а по прекращеніи сихъ работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда.

ДѢЛО СЕРГѢЯ ГЕННАДІЕВИЧА НЕЧАЕВА.

8 янв. 1873 г. въ московскомъ окружномъ судѣ судился С. Г. Нечаевъ, обвиняемый въ убійствѣ студ. Иванова. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель суда П. А. Дейеръ, при членахъ П. Д. Орловѣ и В. В. Завьяловѣ, при прокурорѣ К. Н. Жуковѣ и секретарѣ Баумштейнѣ; защитника подсудимый имѣть не пожелалъ. Подсудимый введенъ въ залу засѣданія въ 12 ч. 40 мин.

Предсѣдатель: „Подсудимый, васъ зовутъ Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ?"

Подсудимый: „Прежде чѣмъ отвѣчать на вашъ вопросъ, я прошу"...

Предсѣдатель (останавливая подсудимаго): „Вы Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ?"

Подсудимый: „Прежде чѣмъ отвѣчать на вашъ вопросъ, я имѣю честь заявить, что права суда надо мною за русскимъ судомъ не признаю, подсудимымъ себя не считаю. Если суду угодно знать причины, почему не считаю, то я сочту своимъ долгомъ объяснить эти причины".

Предсѣдатель: „Подождите объяснять. Вы преданы московскою судебною палатою суду Московскаго Окружнаго суда. Окружный судъ, на основаніи 549 ст. Улож. Угол. Судопр., не имѣетъ права входить въ разсмотрѣніе о подсудности этого дѣла и обязанъ исполнить указъ московской судебной палаты. Если же вы считаете распоряженіе судебной палаты о преданіи васъ суду окружнаго суда неправильнымъ, то можете обжаловать это распоряженіе въ кассаціонной жалобѣ сенату. Затѣмъ я считаю этотъ вопросъ рѣшеннымъ и предлагаю Вамъ къ нему не возвращаться".

Подсудимый (сильно возвысивъ голосъ.): „Господинъ предсѣдатель! Я — эмигрантъ, подданнымъ русскаго императора быть пересталъ, формальности вашего судопроизводства не имѣютъ для меня никакого значенія".... (Подсудимаго по приказанію предсѣдателя выводятъ; въ это время онъ еще громче продолжаетъ): „Я признавалъ бы позорнымъ судить мое поведеніе"... На этомъ словѣ дверь за подсудимымъ была затворена. Въ публикѣ происходитъ сильное волненіе и общій крикъ: „Вонъ его! вонъ! вонъ!"

Предсѣдатель (звонитъ): „Никакихъ заявленій въ судѣ не допускается,—ни за, ни противъ подсудимаго. Не у публики спрашиваютъ суда. Если повторится подобное заявленіе, то я принужденъ буду удалить публику". (Въ публикѣ волненіе быстро утихаетъ.)

Предсѣдатель (обращается къ прокурору): Г. прокуроръ, считаете ли вы сомнительнымъ обстоятельство, что человѣкъ, представшій здѣсь на судѣ, есть именно тотъ Нечаевъ, который преданъ суду? Онъ на предложенный мною вопросъ о личности отказался отвѣчать".

Прокуроръ: „Я имѣю честь заявить, что судъ можетъ удостовѣриться въ личности Нечаева тѣми протоколами, находящимися на листахъ 192 и 193, которые подписаны имъ самимъ, причемъ онъ призналъ себя Сергѣемъ Геннадіевымъ Нечаевымъ, тѣмъ самымъ подсудимымъ, который преданъ теперь суду".

Судъ, принимая во вниманіе, что на основаніи 638 ст. Уст. Угол. Судопр. судебное засѣданіе открывается предложеніемъ подсудимому вопросовъ, касающихся его личности, что въ данномъ случаѣ, хотя подсудимый на эти вопросы не отвѣчалъ, но, не отрицая своей личности, высказывалъ только убѣжденіе о неподсудности настоящаго дѣла московскому окружному суду, и тѣмъ самымъ какъ-бы подтверждалъ, что онъ тотъ самый Нечаевъ, о которомъ идетъ рѣчь; что кромѣ того въ протоколахъ предварительнаго слѣдствія имѣется достаточное удостовѣреніе въ его личности,—призналъ возможнымъ приступить къ разсмотрѣнію дѣла безъ формальнаго удостовѣренія въ томъ, что подсудимый—дѣйствительно Нечаевъ.

По провѣркѣ затѣмъ списка вызванныхъ свидѣтелей, оказалось, что изъ нихъ явился только Мухортовъ. Относительно остальныхъ свидѣтелей секретарь доложилъ, что Лау, Эрастовъ, Кизо, Климинъ и Дроздовъ не разысканы; а Успенскій, Николаевъ, Прыжовъ и Кузнецовъ сосланы въ каторжныя работы. Судъ, признавая причины неявки свидѣтелей уважительными, нашелъ возможнымъ приступить къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла въ отсутствіи неявившихся свидѣтелей съ тѣмъ, чтобы были прочитаны тѣ изъ свидѣтельскихъ показаній, прочтеніе которыхъ будетъ признано нужнымъ сторонами.

По удаленіи изъ залы засѣданья свидѣтеля Мухортова и пополненіи предсѣдателемъ недостающихъ пяти очередныхъ присяжныхъ засѣдателей изъ списка запасныхъ, прокуроръ воспользовался правомъ отвода присяжныхъ засѣдателей, отведя пять человѣкъ. Затѣмъ по распоряженію предсѣдателя ввели подсудимаго.

Предсѣдатель (обращаясь къ подсудимому): „Желаете ли вы воспользоваться правомъ отвода присяжныхъ засѣдателей?“

Подсудимый: „Позвольте объявить, г. предсѣдатель“....

Предсѣдатель: „Желаете ли вы воспользоваться правомъ отвода?“

Подсудимый (возвышеннымъ голосомъ): „Всѣ формальности русскаго судопроизводства не имѣютъ для меня никакого значенія“... (Подсудимаго выводятъ, въ дверяхъ онъ кричитъ:) „Рабомъ вашего деспота я быть пересталъ! Да здравствуетъ Земскій Соборъ!“...

Прокуроръ просилъ занести послѣднія слова подсудимаго въ протоколъ.

Въ составъ присутствія присяжныхъ засѣдателей вошли: 5 купцовъ, 2 чиновника, 1 цеховой, 1 почетный гражданинъ и 1 крестьянинъ. По приводѣ присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ, предсѣдатель обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

„Г. г. присяжные засѣдатели! Вы, вѣроятно, еще находитесь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ того, что, къ счастью, въ первый разъ случилось на судѣ. Еще ни разу безумецъ не дозволилъ себѣ на судѣ высказывать то, что высказалъ этотъ человѣкъ. Но, г. г. присяжные засѣдатели, для соблюденія достоинства суда нужно, чтобы судъ былъ спокоенъ. Нельзя произносить приговора о виновности человѣка подъ впечатлѣніями, подобными настоящему. Поэтому, такъ какъ вамъ предстоитъ постановить сознательный приговоръ, то я приглашаю васъ выслушать со всѣмъ вниманіемъ все то, что будетъ происходить на судѣ, и тогда только вы въ состояніи будете сказать, что произнесли приговоръ справедливый. Отрѣшитесь, насколько это возможно, отъ этого тяжелаго впечатлѣнія, будьте совершенно спокойны и на выходки подсудимаго, которыя могутъ быть еще впослѣдствіи, отвѣчайте совершеннымъ презрѣніемъ, какъ будто-бы ихъ и не было. Такъ какъ вамъ приходится постановить приговоръ сознательный, то я еще разъ повторяю, что вы должны отнестись съ большимъ вниманіемъ ко всему тому, что будетъ происходить на судѣ, чтобы даже этотъ человѣкъ не

могъ сказать, что въ Россіи существуетъ судъ, который судитъ не по обстоятельствамъ дѣла, а по впечатлѣнію, на него произведенному. Законъ даетъ вамъ полную возможность усвоить себѣ хорошо дѣло“....

Затѣмъ былъ прочитанъ обвинительный актъ. Тамъ между прочимъ было сказано: „Обвиняемый Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ, происходя изъ мѣщанъ города Шуи, по выдержаніи надлежащаго экзамена удостоенъ былъ въ 1866 г. званія учителя приходского училища, и до 1869 г. занималъ должность учителя въ петербургскихъ приходскихъ училищахъ, но въ то время бѣжалъ за границу. Точно также скрылся Нечаевъ и послѣ убійства Иванова, но въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года выданъ швейцарскимъ правительствомъ, какъ лицо, обвиняемое въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи. Спрошенный по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, обвиняемый Нечаевъ заявилъ, что онъ не желаетъ давать никакихъ показаній, и не отвѣчалъ ни на одинъ изъ предложенныхъ ему вопросовъ. На основаніи всего вышеизложеннаго, носящій званіе приходского учителя бывшій мѣщанинъ гор. Шуи Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ, 25 лѣтъ, обвиняется въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 1.453 п. 3 Улож. о наказ., почему и подлежитъ, согласно ст. 201 Уст. Угол. Суд., суду московскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей“.

По прочтеніи акта подсудимый вновь введенъ былъ въ залу засѣданія

Предсѣдатель (обращаясь къ подсудимому): „Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы 21 ноября 1869 г. по предварительному уговору съ другими четырьмя лицами, сосланными уже за это преступленіе въ каторжныя работы, изъ личной ненависти убили въ гротѣ Петровской Академіи слушателя этой Академіи Иванова. Признаете ли себя виновнымъ?“

Подсудимый (тѣмъ же возвышеннымъ голосомъ, какъ и прежде): „Убіеніе Иванова есть фактъ чисто политическаго характера: оно составляетъ часть дѣла о заговорѣ, которое разбиралось въ Петербургѣ“.... (Подсудимаго по распоряженію предсѣдателя уводятъ.)

Затѣмъ были прочитаны нѣкоторые судебные документы и показанія отсутствующихъ свидѣтелей, и допрошенъ свидѣтель Мухортовъ. Передъ допросомъ Мухортова предсѣдатель, обращаясь къ Нечаеву, спросилъ его:

„Студентъ Петровской Академіи Мухортовъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля по настоящему дѣлу; допускаете ли вы его къ присягѣ?“

Подсудимый (болѣе спокойно, чѣмъ прежде): „Я имѣлъ честь объявить, что за русскимъ судомъ права судить меня не признаю“.

Предсѣдатель: „Садитесь!“

Подсудимый садится, обернувшись лицемъ къ публикѣ.

Послѣ окончанія допроса Мухортова предсѣдатель спросилъ:

„Подсудимый не желаетъ предлагать вопросы свидѣтелю?“

Подсудимый (сидя и обернувшись къ публикѣ): „Я подсудимымъ себя не считаю“.

Предсѣдатель: „Въ отсутствіе подсудимаго были прочитаны: актъ осмотра мѣстности, гдѣ найденъ трупъ Иванова, врачебный осмотръ этого трупа и заключеніе Медицинской Конторы о причинѣ смерти Иванова. Подсудимый, если желаетъ, можетъ представить объясненія по поводу этихъ документовъ“.

Подсудимый: „Я имѣлъ честь объяснить, что подсудимымъ себя не считаю“.

Послѣ прочтенія показаній каждаго изъ отсутствовавшихъ свидѣтелей предсѣдатель обращался къ Нечаеву съ вопросомъ: „Подсудимый ничего не имѣетъ возразить?“, но Нечаевъ отвѣчалъ на эти вопросы молчаніемъ.

По окончаніи допросовъ прокуроръ произнесъ обвинительную рѣчь, послѣ которой предсѣдатель спросилъ Нечаева:

„Подсудимый, вы ничего не имѣете сказать въ свое оправданіе?“

Подсудимый: „Я считаю унизительнымъ для себя защищаться отъ клеветы, очевидной для всѣхъ. Вся Россія знаетъ, что я — преступникъ политическій. Повторяю то, что сказалъ графу Левашеву: правительство можетъ у меня отнять жизнь, но честь останется при мнѣ“.

Затѣмъ предсѣдатель произнесъ свою заключительную рѣчь:

„Г. г. присяжные засѣдатели! Объясненіе свое я начну съ разбора возраженій, представленныхъ подсудимымъ.

Первое изъ его возраженій заключается въ томъ, что онъ не обязанъ отвѣчать въ настоящемъ засѣданіи по обвиненію, на немъ тяготѣющему, потому что это есть преступленіе политическое. Второе возраженіе его состояло въ томъ, что онъ, какъ непризнающій себя русскимъ подданнымъ, не подлежитъ суду русскихъ судебныхъ мѣстъ. Первое изъ этихъ возраженій не заслуживаетъ уваженія потому, что, если онъ считалъ себя преступникомъ политическимъ, то ничто не мѣшало ему въ то время, когда совершилось это событіе, остаться въ Россіи и такимъ образомъ судиться въ томъ, въ чемъ онъ, по его мнѣнію, долженъ былъ быть судимъ. Но въ настоящее время онъ лишилъ себя возможности быть судимымъ въ качествѣ политическаго преступника, потому что, не возвратившись добровольно, онъ выданъ русскому правительству швейцарскимъ правительствомъ съ тѣмъ, чтобы онъ подлежалъ суду только за то тяжкое преступленіе, въ которомъ его теперь обвиняютъ.... Изъ этого, г. г. присяжные засѣдатели, вы должны убѣдиться, что первое возраженіе подсудимаго не имѣетъ достаточнаго основанія; я объясняю вамъ это именно для того, чтобы вы убѣдились въ ничтожности возраженія подсудимаго, потому что собственно ни я, ни прокуроръ не обязаны были давать вамъ объясненія по сему предмету.

Второе возраженіе Нечаева не имѣетъ уже ровно никакого основанія. Мы не будемъ разбирать, русскій ли онъ подданный или нѣтъ; но всякое самостоятельное государство судитъ лицъ, совершившихъ въ немъ извѣстное преступленіе, если бы они были даже иностранцы“.

Послѣ окончанія судебныхъ преній присяжные, пробывъ въ совѣщательной комнатѣ 20 минутъ, вынесли на поставленный имъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ: „Да, виновенъ“.

Прокуроръ заявилъ, что въ виду приговора присяжныхъ засѣдателей и на основаніи 3 п. 1.453 ст., 1.452 ст. и 2 степ. 19 ст. Улож. о нак., подсудимаго Нечаева слѣдуетъ лишить всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на 20 лѣтъ, а затѣмъ, на основаніи 25 ст. Улож. о Наказ., поселить въ Сибири навсегда.

Предсѣдатель: „Подсудимый не возражаетъ?“

Подсудимый: „Это Шемякинъ судъ!“

По объявленіи этого приговора и по объясненіи подсудимому правъ его по предмету обжалованія приговора въ кассаціонномъ порядкѣ, предсѣдатель сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи подсудимаго изъ залы засѣданія. При выходѣ изъ залы подсудимый закричалъ: „*Да здравствуетъ Земскій Соборъ! Долой деспотизмъ!*“

АДРЕСЪ
РУССКИХЪ РАБОЧИХЪ КЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ, ПОСЛАННЫЙ ИЗЪ ОДЕССЫ ВЪ 1878 г.
(Изъ 3-4 № „Община“ 1878 г.)

Въ Одессѣ 18 марта 1878 г. въ день провозглашенія Парижской Коммуны, соціалисты собрались на вечернюю сходку, чтобы отпраздновать достойнымъ образомъ столь памятный для соціалистовъ всего міра день. Сходка была очень оживленная и многолюдная; состояла она на половину изъ интеллигенціи и на половину изъ рабочихъ. — Было произнесено нѣсколько рѣчей.

Первымъ говорилъ одинъ рабочій, выразившій свое удовольствіе по поводу многочисленности собранія:

— Какъ-то чувствуешь себя бодрѣе, сказалъ онъ, когда видишь, что ты не одинъ; что есть много людей, сочувствующихъ твоему дѣлу.

Затѣмъ говорили представители интеллигенціи. Прежде всего однимъ ораторомъ былъ сдѣланъ краткій историческій очеркъ революціи 1871 г., указано на обстоятельства, при которыхъ она разыгралась, на причины ея паденія и значенія ея въ исторіи. Парижская Коммуна, сказалъ онъ между прочимъ, представляетъ первое революціонное движеніе, гдѣ народъ выступилъ самостоятельно и съ полнымъ сознаніемъ, чтобы свергнуть гнетущій его порядокъ. Затѣмъ онъ указалъ на тотъ толчекъ, который Коммуна дала развитію Интернаціонала и тѣмъ косвенно содѣйствовала соціально революціонному движенію въ Россіи, на которое Интернаціоналъ имѣлъ значительное вліяніе.

Слѣдующій ораторъ замѣтилъ, что значеніе Парижской Коммуны состоитъ въ томъ, что рабочіе держали въ своихъ рукахъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ такой міровой городъ, какъ Па-

рижъ; что они держали его, не смотря на страшную, строго дисциплинированную армію и крупповскія пушки, съ которыми имъ, не привыкшимъ и ненавидящимъ всякую дисциплину, пришлось бороться; что они, по взятіи Парижа, еще цѣлую недѣлю отчаянно сражались на улицахъ города, отстаивая до послѣдней капли крови каждую улицу, каждый кварталъ, каждый домъ. Кромѣ того, онъ указалъ на тотъ отличительный признакъ революціи 1871 г., что въ ней значительное участіе принимали женщины, сотни которыхъ легли на баррикадахъ Парижа...

Затѣмъ, однимъ ораторомъ былъ прочитанъ рефератъ о „Гайдамачинѣ", какъ чисто русскомъ революціонномъ движеніи начала прошлаго столѣтія. Слѣдующій ораторъ сдѣлалъ превосходный историческій очеркъ послѣдняго революціоннаго движенія въ Россіи. При этомъ онъ провелъ ту главную мысль, что до послѣдняго времени наши соціалисты думали дѣйствовать только одной нравственной силой, однимъ горячимъ словомъ, и поэтому мало заботились объ огражденіи своей чести и своихъ человѣческихъ правъ отъ позорнаго произвола нашего варварскаго правительства.

„Теперь-же, сказалъ ораторъ, наши соціалисты начинаютъ понимать свою ошибку; начинаютъ понимать, что кромѣ нравственной силы намъ необходимо обладать и извѣстнаго рода матеріальными обезпеченіями, и что иначе мы будемъ осуждены на безсилье. Доказательствомъ полнаго сознанія этой мысли служитъ цѣлый рядъ фактовъ послѣдняго времени, какъ-то: вооруженное сопротивленіе здѣсь, въ Одессѣ, покушеніе на жизнь Трепова, убійство шпіона въ Ростовѣ, покушеніе на жизнь товарища прокурора Котляревскаго въ Кіевѣ и др. — Намъ нужна физическая сила, чтобы карать дикій произволъ правительства, иначе мы погибнемъ!"

Въ концѣ собранія былъ предложенъ и единогласно принятъ слѣдующій адрессъ французскимъ рабочимъ.

„Одесскіе рабочіе, собравшись на сходку въ достопамятный день провозглашенія Парижской Коммуны, шлютъ вамъ, французскіе рабочіе, свой пламенный, братскій привѣтъ. Мы работаемъ на своей родинѣ для той же великой цѣли, для достиженія которой погибло въ 1871 г. на баррикадахъ Парижа столько вашихъ братьевъ, сестеръ, отцовъ, сыновей, дочерей и друзей. Мы трепетно ждемъ наступленія той исторической минуты, когда и мы сможемъ ринуться въ бой за права трудящихся противъ эксплуататоровъ, за торжество умственной, нравственной и экономической свободы. А пока, — у насъ идетъ глухая, неравная борьба, въ которой гибнутъ медленной, мучительною смертью, въ тюрьмахъ и каторгѣ, наши лучшіе люди, эти мужественные застрѣльщики святого дѣла народнаго освобожденія... Вы правы были, когда въ 1871 г. вы говорили, что сражаетесь за все человѣчество. Да! интересы всѣхъ народовъ такъ тѣсно связаны между собою, что торжество народа въ одной странѣ немедленно повлечетъ за собой торжество народа во всемъ мірѣ... Французскіе

рабочіе! когда наступитъ время и вы снова подымете красное знамя соціальной революціи, то пусть одушевляетъ васъ то же самое геройское мужество и горячая любовь къ человѣчеству, какія одушевляли борцовъ 1871 года; но пусть для блага всего человѣчества, побѣда увѣнчаетъ на этотъ разъ ваши многолѣтніе труды".

Одесса 18 марта 1878 г.

ЮЖНЫЙ РАБОЧІЙ СОЮЗЪ ВЪ 1880-81 гг.

По просьбѣ редактора „Былого" я взялась написать краткую исторію „Южнаго Рабочаго Союза" для поясненія статьи Молинари, помѣщенной въ 82 году въ

Въ 1879 г., въ то время, когда произошло дѣленіе „Земли и Воли" на „Народную Волю" и „Черный Передѣлъ", я и Щедринъ, признавая большое значеніе за терроромъ, центральнымъ и экономическимъ, находили въ то же время, что базисъ дѣятельности революціонеровъ долженъ быть въ народѣ (подъ народомъ мы понимали крестьянъ и рабочихъ, не исключая и босяковъ). Безъ послѣдняго условія, по нашимъ взглядамъ, удары центральнаго террора не могли быть использованы народомъ. Поэтому, несмотря на сходство нашихъ взглядовъ съ „Народной Волей" на терроръ, мы вступили въ организацію „Чернаго Передѣла", какъ ближе стоявшую къ народу.

Въ концѣ января 80 г. была арестована типографія „Чер. Пер." и нѣсколько человѣкъ организаціи. 4 члена организаціи уѣхали заграницу. Однимъ изъ остававшихся въ Россіи, чернопередѣльцемъ, была выработана новая программа, съ которой я и Щедринъ категорически разошлись. Выйдя изъ организаціи, мы выработали собственную, анархическую программу, съ тактикой экономическаго и центральнаго террора. Въ Петербургѣ и Москвѣ намъ нельзя было въ это время оставаться, благодаря указаніямъ шпіона Жаркова, работавшаго раньше наборщикомъ въ чернопередѣльческой типографіи, убитаго впослѣдствіи Прѣсняковымъ. Намъ пришлось ѣхать на югъ.

Въ Кіевѣ мы стали пропагандировать нашу программу сначала между интеллигенціей. Поступивъ чертежникомъ въ желѣзнодорожную мастерскую, Щедринъ выбралъ трехъ человѣкъ изъ рабочихъ, которые ему понравились по внѣшности. Найдя въ нихъ подходящую почву, мы черезъ нихъ завели сношенія съ рабочими арсенала и одной изъ типографій. Типографщики достали намъ немного шрифта. Въ арсеналѣ въ это время было сильное недовольство рабочихъ администраціей. Имъ мы стали развивать программу экономическаго террора; она отвѣчала ихъ настроенію. Съорганизовавъ небольшой кружокъ, мы назвали его „Южнымъ Рабочимъ Союзомъ". Начиная дѣло только вдвоемъ, совсѣмъ безъ средствъ, съ программой, вызывавшей враждебное отношеніе буржуазныхъ слоевъ (охотно дававшихъ деньги для партій съ дру-

гими программами), — мы не разсчитывали, что организація сможетъ распространиться широко, а потому думали ограничиться городскими рабочими, не по пролетарской точкѣ зрѣнія, а потому, что намъ, нелегальнымъ, было легче завести связи въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ, гдѣ каждое новое лицо обращаетъ на себя общее вниманіе. Впослѣдствіи, когда неожиданно для насъ самихъ завязались связи черезъ рабочихъ съ крестьянами, названіе организаціи стало неподходящимъ, но въ виду того, что оно было уже популярно, мы не хотѣли его мѣнять, а только въ заголовкѣ прокламацій, обращенныхъ къ крестьянамъ, ставили „Земля и Воля".

Вскорѣ нами была написана первая прокламація, отпечатанная домашними средствами, въ которой давался трехнедѣльный срокъ начальнику арсенала, полковнику Коробкину, для выполненія требованій рабочихъ, изъ которыхъ главныя были: увеличеніе платы и уменьшеніе рабочаго дня. Въ случаѣ отказа ему грозили смертнымъ приговоромъ. Приговоръ согласились привести въ исполненіе Щедринъ съ двумя арсенальными рабочими. Не будучи вполнѣ увѣрены въ рѣшительности этихъ рабочихъ, приготовили еще двухъ запасныхъ, которые совсѣмъ не были знакомы съ первыми. Большое количество этихъ прокламацій было съ помощью всего кружка и рабочихъ расклеено въ арсеналѣ, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, на церквахъ, на столбахъ всѣхъ улицъ Кіева. Спустя 4 дня, главная существенная часть требованій рабочихъ была удовлетворена. Черезъ день была выпущена вторая прокламація, говорившая о необходимости выполненія остальныхъ требованій. Послѣ такого успѣха первой прокламаціи рабочіе повалили къ намъ въ такомъ количествѣ, что мы не знали, гдѣ найти мѣсто для собраній. Была весна. Мы избрали мѣсто для сходокъ за Байковой рощей, за городомъ. Обыкновенно часовъ въ 11 вечера мы заходили вдвоемъ съ Щедринымъ въ одну квартиру, гдѣ мѣняли свою наружность, затѣмъ отправлялись на сходку. Насъ встрѣчала толпа. Въ темнотѣ ночи мы вели бесѣду, пока не занималась заря. Усталые рабочіе жадно слушали, не думая объ отдыхѣ. Такъ какъ рабочихъ, группировавшихся подлѣ насъ въ это время, было около семисотъ человѣкъ, то мы дѣлили ихъ на группы, которыя по очереди приходили въ разные дни недѣли. Такимъ образомъ съ каждой группой мы видѣлись только разъ въ недѣлю. Рѣдко бывало на сходкѣ менѣе 100 человѣкъ. Бесѣды велись безъ всякой программы, всегда на тему какой нибудь злобы дня, и тутъ же по пути излагались теоретическія положенія. Мы не останавливались на описаніи общаго тяжелаго положенія рабочихъ: — оно и безъ насъ имъ было хорошо знакомо. Приходилось только приводить его въ связь съ общимъ существующимъ строемъ, а затѣмъ стараться использовать каждый частный случай недовольства.

Работая вообще вмѣстѣ съ остальными интеллигентными членами нашей организаціи, цѣня ихъ очень высоко, какъ энергичныхъ, очень смѣлыхъ революціонеровъ, мы въ то же время боялись ихъ *принципіальной* неконспиративности и потому не посвящали

въ эти ночныя сходки, боясь рисковать такимъ большимъ количествомъ рабочихъ. На всякую предосторожность они смотрѣли, какъ на трусость. Павелъ Ивановъ, человѣкъ замѣчательно смѣлый, ининціативный, рѣшительный, негодовалъ, когда я говорила, что ему, нелегальному, за которымъ въ это время слѣдили шпіоны — невозможно въ красной косовороткѣ съ длинными волосами по плечи расхаживать съ нашими рабочими днемъ по улицамъ Кіева. „То вы, питерцы, бережете себя!" — ядовитничалъ онъ мнѣ въ отвѣтъ. Завидѣвъ шпіона па улицѣ, онъ показывалъ ему кулакъ, шпіонъ скрывался куда-нибудь за уголъ, а Павло продолжалъ свою дорогу, не думая заметать свои слѣды. Когда я была арестована, онъ, желая узнать, гдѣ я сижу, признавъ на этотъ разъ маленькую конспирацію, остригъ волосы и, надѣвъ черный сюртукъ, отправился въ Старокіевскій участокъ просить разрѣшенія носить мнѣ пищу. На вопросъ пристава, кто онъ мнѣ, Павло отвѣчалъ: „Я видѣлъ, какъ на улицѣ арестовали какую то даму, мнѣ стало ее жалко, я рѣшился пойти просить носить ей пищу". Приставъ нашелъ это недостаточно убѣдительнымъ, но его не арестовалъ.

Я забѣжала нѣсколько впередъ, желая охарактеризовать эту принципіальную неконспиративность. Нашъ способъ дѣйствій имѣлъ свои выгоды: благодаря моей и Щедрина конспиративности мы при арестѣ не потянули за собой ни одного человѣка, типографія и главныя конспираціи остались цѣлы. Но та же конспиративность имѣла и свои невыгоды: послѣ нашего ареста была потеряна связь у нашихъ рабочихъ съ интеллигенціей *). Въ іюнѣ посредствомъ кіевлянъ, членовъ нашей организаціи, мы достали маленькую типографію, зарытую въ землю предыдущимъ кружкомъ кіевскихъ революціонеровъ. Съ помощью уже этой типографіи мы выпустили много новыхъ листковъ: листки по поводу процесса 21 (Михаила Попова, Игнатія Иванова, Юрковскаго, Диковскаго и др.), судившихся 12 іюля 80 г. въ Кіевѣ, по поводу казни Розовскаго, повѣшеннаго въ Кіевѣ въ мартѣ того же года, листокъ о положеніи чиншевиковъ, листокъ о положеніи крестьянъ въ имѣніи генералъ-губернатора Черткова, прокламація съ угрозой помѣщику Левандовскому съ требованіемъ лучшаго устройства его земельныхъ отношеній съ крестьянами, листокъ къ солдатамъ, отдѣльные листки изъ программы: объ экономическомъ террорѣ, о будущемъ соціальномъ строѣ, о безполезности для народа самой лучшей конституціи и много другихъ на разныя злобы дня. Прокламаціи при большомъ количествѣ рабочихъ разбрасывались, расклеивались, разсылались по разнымъ деревнямъ и городамъ (Кременчугъ, Ростовъ на Дону, Екатеринославъ, Одесса, Николаевъ). Для крестьянъ издавались на малороссійскомъ языкѣ. Отъ

---

*) На дняхъ я узнала отъ Б., бывшаго въ 83 г. въ Кіевѣ (т. е. спустя 2 года послѣ нашего ареста), что одинъ изъ учениковъ по революціи нашего рабочаго самостоятельно основалъ два кружка и велъ ихъ самъ, безъ помощи интеллигенціи.

насъ поѣхалъ Димитрій (псевдонимъ) заграницу за нелегальной литературой, чтобы устроить транспортъ черезъ границу.

Тѣмъ временемъ въ отвѣтъ на 3-ью нашу прокламацію начальство арсенала удовлетворило всѣ требованія, исключая одного ничтожнаго: выносить щепки со двора арсенала; начальство боялось, чтобы въ щепкахъ не выносили рабочіе частей оружія. Такимъ образомъ, оказалось ненужнымъ приводить въ исполненіе задуманный терроръ надъ Коробкинымъ.

Приблизительно около этого времени кіевскіе народовольцы вошли съ нами въ переговоры на счетъ нашего вступленія въ „Народную Волю". Но такъ какъ они ставили условіемъ отказаться отъ экономическаго террора (который, по ихъ словамъ, отпугиваетъ либераловъ), то мы отказались присоединиться.

Въ то же время у насъ налаживалось дѣло въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и еще нѣсколько дѣлъ, о которыхъ я сейчасъ нахожу неудобнымъ говорить.

Одновременно мы начали дѣлать приготовленія къ устройству побѣга для 3-хъ человѣкъ (изъ процесса 21), сидѣвшихъ въ кіевской тюрьмѣ (назвать имена этихъ 3-хъ пока неудобно). Одинъ изъ нашихъ товарищей кіевлянъ привлекъ къ этому дѣлу новое лицо, помощь котораго намъ была нужна; этотъ новый былъ какой то неинтеллигентный человѣкъ, имѣвшій доступъ въ тюрьму, фамилію его я забыла. Тотъ же товарищъ далъ ему впередъ деньги за услугу, которую этотъ человѣкъ долженъ былъ оказать намъ. Познакомивъ его съ Щедринымъ, товарищъ уѣхалъ по дѣламъ изъ Кіева. Спустя нѣсколько дней введенный въ конспирацію человѣкъ выдалъ насъ. 22 октября я и Щедринъ были арестованы на улицѣ. Мы успѣли проработать только 8 мѣсяцевъ.

Остальные члены организаціи продолжали работать, заводя новыя связи съ новыми рабочими. Спустя 4 мѣсяца были арестованы: Богомолецъ, Преображенскій (незадолго до ареста пріѣхавшій въ Кіевъ), Иванъ Кашинцевъ и Присецкая.

Послѣ 1-го марта 1881 г. насъ всѣхъ (по ошибкѣ и женщинъ: меня и Богомолецъ,—Присецкая была выпущена на поруки до суда) вызвали къ принятію присяги. Мы всѣ отказались, за что намъ были усилены наказанія на судѣ.

Въ апрѣлѣ 81 г. въ Кіевѣ начались еврейскіе безпорядки. Павелъ Ивановъ написалъ воззваніе къ народу, въ которомъ говорилъ, что несправедливо бить евреевъ, надо бить всѣхъ эксплуататоровъ, какой бы національности они ни были. Печатая эти свои прокламаціи въ сохранившейся послѣ насъ типографіи, онъ тутъ же выбрасывалъ изъ окна маленькаго домика на Жилянской улицѣ эти прокламаціи толпѣ народа и тутъ же былъ арестованъ. Вслѣдъ за нимъ арестовали двухъ рабочихъ: Доллера и Кизера, которыхъ обвиняли въ томъ, что они ходили въ эту типографію. Въ Ростовѣ на Дону была арестована жена казачьяго офицера Кузнецова съ тючкомъ нашихъ листковъ разнаго содержанія.

Насъ соединили въ одинъ процессъ, предали военному суду. Не дали права выбрать себѣ защитниковъ, назначили одного во-

еннаго для всѣхъ. Я, Щедринъ, Богомолецъ, Преображенскій и Кашинцевъ отказались отъ защитника. На судѣ казенный защитникъ, стараясь оправдать Кузнецову, топилъ Кизера; Кизеръ въ отвѣтъ на это попросилъ защитника не стѣсняться, валить все на него, чтобы защитить Кузнецову; Кузнецова въ свою очередь просила защищать Кизера, а не ее. Защитникъ растерялся и отказался продолжать свою роль.

На судѣ я, Щедринъ, Преображенскій, Богомолецъ и Кашинцевъ заявили, что мы революціонеры-соціалисты, признаемъ надъ собою судъ народа, а не русскаго правительства и принимать участія въ судѣ правительства не желаемъ. Предсѣдатель перебивалъ, стучалъ линейкой по столу, заглушая наши голоса. Интересенъ фактъ, что въ нашемъ процессѣ, несмотря на обширныя знакомства съ рабочими, не было рѣшительно *ни одного* человѣка не только между подсудимыми, но и между свидѣтелями, который давалъ какія бы то ни было показанія противъ кого нибудь изъ всѣхъ насъ. Все слѣдствіе основывалось исключительно на показаніяхъ жандармовъ, которые на судѣ выступали даже не переодѣтыми, а въ полной жандармской формѣ. Стрѣльниковъ въ своей рѣчи настаивалъ на томъ, что наша программа гораздо опаснѣе программы „Народной Воли" и потому требовалъ самыхъ строгихъ приговоровъ. Большой залъ суда былъ полонъ разнообразной публики. Послѣ четырехдневнаго засѣданія судъ вынесъ слѣдующій приговоръ: Щедрину, Преображенскому и мнѣ смертная казнь, Иванову 20 лѣтъ каторги, Богомолецъ и Кашинцеву по 10 лѣтъ каторги, Доллеру и Кизеру поселеніе въ Восточной Сибири съ лишеніемъ всѣхъ правъ, Присецкой ссылка на житье въ Западную Сибирь съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, Кузнецову оправдали. По ходатайству кіевскаго ген.-губ. Дрентельна смертная казнь была замѣнена всѣмъ троимъ безсрочной каторгой.

По дорогѣ въ каторгу, въ Иркутскѣ Щединъ далъ пощечину чиновнику особыхъ порученій Соловьеву за то, что меня, арестованную послѣ моего перваго побѣга изъ Иркутской тюрьмы, по распоряженію Соловьева, заковали въ наручни и бросили въ ужасный темный карцеръ. Соловьевъ, заставивъ солдатъ привязать Щедрина ремнями къ столбу, избилъ его шашкой. Военный судъ приговорилъ Щедрина вновь къ смертной казни. По ходатайству губернатора Педашенко казнь Щедрину была снова замѣнена прикованіемъ къ тачкѣ. Пробывъ мѣсяцъ на Карѣ, Щедринъ за сопротивленіе во время карійскаго разгрома былъ отправленъ въ числѣ 8 человѣкъ (Мышкинъ, Минаковъ, Долгушинъ, Юрковскій, Поповъ, Геллисъ и Орловъ) въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ, по словамъ записокъ Л. Волкенштейнъ, непрерывно велъ борьбу съ тюремнымъ начальствомъ. Нервы его не выдержали, и онъ сошелъ съ ума. Такимъ его перевезли вмѣстѣ съ другими въ Шлиссельбургъ, гдѣ онъ день и ночь не давалъ покоя смотрителю тюрьмы своими протестами. Послѣ 5-ти лѣтъ Шлиссельбурга его отправили въ Казань, въ домъ умалишенныхъ.

Богомолецъ бѣжала со мной въ 82 г. изъ иркутской тюрьмы.

Послѣ ареста насъ отправили на Кару, гдѣ она постоянно вела борьбу съ тюремщиками. Умерла отъ чахотки на Карѣ.

Павелъ Ивановъ въ 82 г. бѣжалъ изъ Красноярской тюрьмы, но былъ пойманъ. Бѣжалъ во второй разъ — очень неудачно: спускаясь со стѣны, повредилъ себѣ ногу, часовые набросились, избили и проломили ему черепъ. Оправившись, слѣдуя дальше на Кару, онъ снова сдѣлалъ попытку бѣжать и снова былъ арестованъ. Умеръ въ вольной командѣ въ Кадаѣ, заразившись тифомъ отъ больныхъ, которыхъ онъ тамъ лечилъ.

Кашинцевъ, переведенный въ Якутскую область на поселеніе, удачно бѣжалъ въ 1888 г. Доллеръ утонулъ въ Якутскѣ, въ Ленѣ.

Въ 82 г. въ Одессѣ судился Наумъ Геккеръ за принадлежность къ организаціи „Южный Рабочій Союзъ," осужденъ на 10 лѣтъ каторги. На Карѣ, протестуя противъ примѣненія тѣлеснаго наказанія надъ Сигидою, Геккеръ выстрѣлилъ въ себя изъ револьвера, но выстрѣлъ оказался несмертельнымъ.

Въ предисловіи къ брошюрѣ „Красн. Знамя" (на стр. X) Аксельродъ говоритъ: „примѣромъ можетъ служить, между прочимъ, и упоминаемый авторомъ („Краснаго Знамени") *второй* „Южнорусскій Рабочій Союзъ", для котораго я написалъ программу и довольно большую объяснительную записку къ ней", затѣмъ дѣлаетъ выноску: „Вскорѣ послѣ основанія названнаго Союза я по требованію товарищей долженъ былъ переселиться въ Питеръ, и скоро во главѣ его стали народовольцы".

Далѣе на стр. 25 авторъ (Мартовъ) говоритъ: „Въ 1879 г. возстановился Южнорусскій Рабочій Союзъ, имѣвшій свою типографію и работавшій преимущественно въ Одессѣ и Кіевѣ до 82 г".

Выходитъ, что „Южнорусскій Рабочій Союзъ" былъ основанъ Аксельродомъ въ Одессѣ, затѣмъ въ 79 г. возстановился и работалъ до 82 г., имѣлъ свою типографію и т. д.

Въ дѣйствительности же, если былъ какой нибудь кружокъ рабочихъ въ Одессѣ, о которомъ говоритъ Аксельродъ, то никакого отношенія ни кружокъ, ни Аксельродъ къ организаціи „Южнорусскаго Рабочаго Союза" не имѣли, и организація „Южнорусскаго Рабочаго Союза" *не была „возстановленіемъ"* какого то предыдущаго кружка.

Что касается до статьи Молинари, то онъ приводитъ выписки изъ нашей программы, изъ нашихъ прокламацій и нашихъ листковъ, довольно вѣрно держась ихъ *смысла*, но, исходя изъ своей буржуазной ненависти къ нашей программѣ, даетъ только безпорядочные отрывки и при томъ, переводя своими словами чисто русскія выраженія, мѣняетъ нѣсколько ихъ *характеръ*, придавая намѣренно вульгарный тонъ стилю нашей литературы.

Е. Ковальская.

МОЛИНАРИ О ЮЖНОМЪ РАБОЧЕМЪ СОЮЗѢ.

Одной изъ основныхъ чертъ дѣятельности русскихъ революціонеровъ въ 70-хъ г.г. было стремленіе вызвать самостоятельное революціонное движеніе среди народа (среди рабочихъ и крестьянъ) во имя соціализма. Надъ этой задачей они много поработали. Дѣятели 80-хъ и 90-хъ г.г. — соц.-революціонеры и соц.-демократы — явились только ихъ продолжателями и не внесли въ этомъ отношеніи ничего существенно новаго въ революціонную борьбу.

Въ „Быломъ" мы уже не разъ говорили объ интенсивной дѣятельности семидесятниковъ среди рабочихъ и крестьянъ: у народниковъ (воспоминанія Кропоткина, Брешковской, біографія Бобохова, о газетѣ „Работникъ"), у „Сѣвернаго Рабочаго Союза" (3 и 5 №№ „Былого"), у народовольцевъ (см. біографіи Гриневицкаго. Коковскаго, Халтурина, статью о „Рабочей Газетѣ", программу рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли", ихъ прокламаціи, о пропагандѣ среди рабочихъ въ Ростовѣ) и т. д. Въ настоящемъ № „Былого" мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на одно изъ самыхъ яркихъ проявленій дѣятельности революціонеровъ въ народѣ — на дѣятельность участниковъ „Южнаго Рабочаго Союза". Въ этой своей дѣятельности *Союзъ* имѣлъ много общаго съ другими тогдашними революціонными партіями, но отличался отъ нихъ, въ особенности отъ „Народной Воли", рѣзкимъ подчеркиваніемъ экономическаго террора. Народовольцы, конечно, не были принципіально противъ такого террора, но они въ тѣ годы, при тѣхъ условіяхъ, при какихъ имъ приходилось дѣйствовать, считали особенно необходимымъ подчеркивать систематическій политическій терроръ, ставили на первый планъ цареубійство, призывали къ борьбѣ честныхъ представителей всѣхъ партій, сосредоточивали общее вниманіе на политической борьбѣ, — при этихъ условіяхъ народовольцы не соглашались съ тѣмъ мѣстомъ, которое тогда отводилъ *Союзъ* экономическому террору.

Въ *Journal des Economistes*, 1882, № 11) была напечатана любопытная статья извѣстнаго буржуазнаго писателя Молинари о *Ю. Р. Союзѣ*, составленная, очевидно, на основаніи подлинныхъ документовъ, доставленныхъ ему какими то компетентными людьми. Ниже мы даемъ переводъ наиболѣе интересныхъ мѣстъ этой статьи. Надо только имѣть въ виду, что всѣ документы даны нами въ переводѣ съ французскаго, — и потому въ нихъ могутъ быть нѣкоторыя неточности.

О процессѣ участниковъ *Союза* было краткое правительственное сообщеніе въ русскихъ газетахъ (отъ 6 іюня 1881 г.), — нѣсколько обстоятельнѣе въ кіевской „Зарѣ": въ нѣкоторыхъ легальныхъ газетахъ было кое что о прокламаціяхъ Союза (текстъ одной перепечатанъ въъ 1 № „Былого").*) *Ред.*

---

*) Къ сожалѣнію, о *Союзѣ* до сихъ поръ было написано очень мало, и не сохранилось ни одного его изданія. Не только не было

„Въ первой части программы Ю. Р. Союза (написанной на 20 стр. in 8.), взятой у Ел. Ковальской, мы находимъ характеристику относительнаго положенія рабочихъ, купцовъ, промышленниковъ и дворянства. „Положеніе трудящихся классовъ", говорится въ этой программѣ, „таково, что оно влечетъ за собой не только физическое, но и духовное вырожденіе народа. Ростъ крестьянъ, рабочихъ теперь менѣе, чѣмъ былъ раньше; болѣзнь и смертность увеличиваются въ то время, какъ средняя продолжительность жизни въ низшихъ классахъ уменьшается. Купцы, собственники и дворяне, напротивъ, пользуются превосходнымъ здоровьемъ; они живутъ, жирѣютъ и наслаждаются въ своихъ палатахъ и дворцахъ на счетъ эксплуатируемаго ими народа. Единственная надежда выйти изъ этого невыносимаго положенія заключается для рабочихъ въ революціи. Чтобы достигнуть ея, рабочіе должны соединить свои силы, чтобы вызвать переворотъ въ современномъ экономическомъ положеніи, потому что, какъ показываетъ исторія, политическія измѣненія всегда являются неизбѣжнымъ результатомъ экономическихъ измѣненій".

„Вторая часть программы излагаетъ слѣдующія требованія Ю. Р. С. отъ имени трудящихся классовъ:

1) Земля, фабрики, мастерскія, промышленныя предпріятія переходятъ въ исключительную собственность народа;

2) Работа будетъ исполняться сообща;

3) Правительственная организація будущаго удѣлитъ каждому равную долю участія въ дѣлахъ страны;

4) Неограниченная свобода личности, свобода слова, собраній, обществъ и прессы;

5) Организація національной милиціи взамѣнъ теперешней постоянной арміи.

„Средства, которыя проповѣдываются соціалистами-народниками для достиженія этого соціальнаго эдема, слѣдующія:

1) *Аграрный терроръ*, который нужно вызвать, подымая крестьянъ, чиншевиковъ, число которыхъ достигаетъ 400.000 въ юго-западныхъ губерніяхъ, противъ земельныхъ собственниковъ, возбуждая ихъ къ завладѣнію землей и лѣсами, прибѣгая къ поджо-

---

опубликовано обстоятельнаго отчета о судѣ надъ участниками *Союза*, но не былъ даже напечатанъ обвинительный актъ по этому дѣлу, представляющій, какъ говорятъ, огромный интересъ, такъ какъ въ немъ были приведены многія записки, прокламаціи и т. д. Подобнаго рода пробѣлы по исторіи русскихъ политическихъ движеній у насъ нерѣдки, — пусть же наши читатели, сочувствующіе цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ „Былое", позаботятся объ отысканіи этихъ документовъ. Желающимъ мы могли бы выслать списокъ разыскиваемыхъ нами матеріаловъ, изданный отдѣльнымъ оттискомъ изъ 5 № „Былого", и просимъ ихъ самихъ, руководствуясь этимъ спискомъ, опросить всѣхъ, кто могъ бы оказаться полезнымъ въ нашихъ розыскахъ.

гамъ посѣвовъ, къ убійствамъ помѣщиковъ, подобно тому, какъ это происходитъ въ Ирландіи;

2) *Промышленный или фабричный терроръ*, выражающійся въ поджогахъ фабрикъ, мастерскихъ, промышленныхъ учрежденій, въ убійствѣ директоровъ и хозяевъ.

3) *Военный терроръ*, состоящій въ возбужденіи недовольныхъ солдатъ къ бунтамъ противъ офицеровъ; — солдатамъ совѣтуютъ убивать начальниковъ, которые отличаются грубымъ обращеніемъ, наказываютъ и притѣсняютъ ихъ; вообще возбуждаютъ войско противъ высшихъ начальниковъ.

4) *Политическій терроръ*, выражающійся въ дезорганизаціи всякими средствами современнаго правительства для того, чтобы подрывать въ глазахъ народа его авторитетъ, ослабить его силу, возбудить революціонный духъ въ средѣ эксплуатируемаго рабочаго класса, возбудить народъ противъ власти, чиновниковъ и полиціи.

Членамъ общества было поручено разселяться по деревнямъ, поступать на фабрики, въ мастерскія, пытаясь тамъ завербовать людей вліятельныхъ, пользующихся извѣстнымъ авторитетомъ въ средѣ своихъ товарищей болѣе, чѣмъ остальные, способныхъ содѣйствовать ускоренію революціоннаго движенія".

Пропаганда „революціонныхъ идей" велась двоякимъ путемъ: *устно* въ кабакахъ, на ярмаркахъ, рынкахъ, въ мѣстахъ наиболѣе посѣщаемыхъ народомъ,– и письменно, т. е. путемъ прокламацій, которыя въ изобиліи распространялись Союзомъ по деревнямъ и городамъ, дорогамъ, мостамъ, въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ и т. д. Эта пропаганда совершалась очень ловко. Такъ, прокламаціи обыкновенно разбрасывались наканунѣ праздничныхъ дней, ночью, въ деревняхъ, и фабричныхъ поселкахъ. Эти воззванія къ народу, напечатанныя на одномъ листѣ, снабженныя внизу красной печатью Союза, подбирались крестьянами и рабочими, которые читали ихъ на утро въ праздникъ, по кабакамъ и въ другихъ мѣстахъ".

Эти прокламаціи слишкомъ оригинальны въ своемъ родѣ, чтобы мы не воспроизвели здѣсь нѣкоторыхъ изъ нихъ. Мы выбрали главнѣйшія. Онѣ распространены отъ имени Ю. Р. Союза.

1-ая. Прокламація къ крестьянамъ на малороссійскомъ языкѣ: призывъ .ко всѣмъ честнымъ людямъ.

Общество призываетъ ихъ „дѣйствовать сообща, подружески; уничтожить помѣщичій оброкъ, не платить арендной платы, рубить лѣсъ, не уважать больше границъ собственности, завладѣть землей, которая является ихъ собственностью, потому что они воздѣлываютъ ее, раздѣлить ее между собой такимъ образомъ, чтобы каждому досталась такая часть ея, которую онъ въ состояніи обрабатывать".

Воззваніе заканчивается слѣдующимъ образомъ:

„Если царь пошлетъ противъ васъ свою армію, это вамъ докажетъ, что онъ — врагъ народа и другъ господъ".

2-ая прокламація (тоже на малороссійскомъ языкѣ), адресованная „Чиншевикамъ“ и помѣченная: „30 января 1881 г.“.

Возваніе „Тайнаго общества“ къ чиншевикамъ нашего края приглашаетъ этихъ фермеровъ примкнуть къ обществу, увѣряя добыть имъ и всѣмъ честнымъ людямъ землю и волю. Оно ихъ, что Общество работаетъ изо всѣхъ силъ, для того, чтобы совѣтуетъ:

1) не подписывать новыхъ контрактовъ;

2) установить сношенія между вѣрными людьми, для того, чтобы знать, что происходитъ въ деревняхъ даннаго района;

3) установить сношенія съ членами Общества;

4) въ случаяхъ надобности оказывать помощь новому Обществу;

5) бороться противъ эксплуататоровъ словомъ, поджогами, оружіемъ, не дожидаясь помощи Тайнаго Общества.

3-я прокламація, адресованная г. Левандовскому, помѣщику Кіевской губерніи, отъ 15 января. Тайное общество приказываетъ ему „прекратить всякія преслѣдованія чиншевиковъ, находящихся на его землѣ; раздѣлить между ними всю землю; вознаградить ихъ за всѣ потери, которыя они потерпѣли по его винѣ. „Въ случаѣ же, прибавляетъ прокламація, если г. Левандовскій не подчинится вышеизложеннымъ требованіямъ, Общество приговоритъ его къ смертной казни“.

4-я прокламація Ю. Р. Союза отъ 2-го марта.

Она сначала оправдываетъ убійство императора Александра II, затѣмъ, призывая всѣхъ честныхъ людей присоединиться къ Обществу, она прибавляетъ: „Отъ васъ зависитъ все будущее рабочаго класса, вы — надежда народа; вы являетесь представителями духовной и моральной силы массъ. Соедините ваши силы и организуйтесь! Дѣйствуйте! Объединяйте вокругъ себя всѣхъ честныхъ людей и ваше дѣло не погибнетъ напрасно! Доброе сѣмя, падающее на добрую почву, даетъ хорошіе всходы. Соединяйте вокругъ нашего знамени всѣ ваши силы, мы не побоимся тогда ни царя-вѣшателя, ни его низкопоклонныхъ лакеевъ, ни тысячъ штыковъ, которыми держится императорскій тронъ. Эти штыки станутъ нашими и исчезнетъ навсегда этотъ самодержавный произволъ, который такъ долго угнетаетъ умъ, чувство и свободу русскаго народа“...

5-я прокламація Союза отъ 14 марта.

Она напоминаетъ, прежде всего, что многочисленныя прошенія, адресованныя имъ графу Лорисъ-Меликову остались безъ отвѣта. Затѣмъ перечисляются требованія, которыя были Союзомъ обращены къ русскому правительству. „Личныя подати должны превратиться въ налогъ государственный, начиная съ 500 р.; долженъ быть отпущенъ извѣстный кредитъ на устройство мастерскихъ, гдѣ рабочіе могли бы всегда найти себѣ работу, а также и магазиновъ, гдѣ они могли бы покупать по дешевой цѣнѣ жизненные припасы; заработная плата должна быть опредѣлена въ 1 р. 50 к. (въ обычное время) и 2 р. во время дороговизны съѣстныхъ продуктовъ“. Далѣе Союзъ требуетъ также амнистіи всѣмъ рабочимъ, отправленнымъ въ ссылку за то, что

они поддерживали своихъ товарищей. Прокламація заканчивается такъ: „Союзъ будетъ ждать отвѣта отъ правительства втеченіе мѣсяца; если онъ убѣдится, что новый царь не хочетъ ему прійти на помощь, онъ прибѣгнетъ къ употребленію насильственныхъ средствъ; и пролитая кровь падетъ на голову тѣхъ, которые могли успокоить народъ, удовлетворивъ его законныя требованія, и не захотѣли сдѣлать этого".

Всѣ эти манифесты и прокламаціи были снабжены печатью Союза, оттиснутой красными чернилами и изображающей перевитые между собою топоръ, заступъ и револьверъ.

Мы приведемъ еще нѣкоторыя небезъинтересныя воззванія и письма, захваченныя у арестованныхъ:

1) Письмо, адресованное Союзомъ къ рабочимъ города Одессы*).

2) Письмо, адресованное полковнику Коробкину, начальнику Кіевскаго военнаго арсенала.

Союзъ приказывалъ ему: „увеличить ежедневную заработную плату и поштучное вознагражденіе по соглашенію съ рабочими; относиться къ рабочему, какъ къ человѣку, работающему не только для него, но для общаго блага; не налагать штрафы на рабочихъ по своей фантазіи, оставивъ штрафы только на случай кражи".

Спустя нѣкоторое время послѣ посылки этого перваго предупрежденія, ему было послано второе, болѣе срочное, въ которомъ повторялись прежнія требованія и прибавлялось, что Союзъ предупреждаетъ полковника, что въ случаѣ неисполненія формулированныхъ выше требованій, онъ будетъ принужденъ приговорить его, начальника арсенала, къ смертной казни**)

---

*) Это письмо, найденное при обыскѣ у одной молодой дѣвушки, одновременно съ другими 56-ю прокламаціями, должно было быть напечатано въ Одессѣ членами группы этого города и распространено въ мастерскихъ. Въ прокламаціи говорилось:

„На спинѣ рабочихъ покоится правительство, которымъ управляютъ шайки воровъ. Все зло происходитъ отъ раздробленности нашихъ силъ, отъ отсутствія согласія между нами. Нужда и голодъ заставляютъ насъ продавать наши силы, нашу энергію и наше здоровье; но, если бы мы съумѣли соединиться, мы бы перестали находиться въ этомъ угнетенномъ состояніи. Безъ сомнѣнія, мы не больше, какъ обухъ топора; соединившись, мы, наоборотъ, становимся страшнымъ и могущественнымъ орудіемъ. Соединившись, мы освободимся отъ узла, завязаннаго на нашемъ горлѣ капиталистами, мы освободимъ навсегда отъ ихъ ига и насъ и нашихъ дѣтей, закончивъ начатое дѣло, мы заслужимъ вѣчную признательность".

**) Послѣ этой прокламаціи Союза всѣ требованія были удовлетворены и потому угрозы не были приведены въ исполненіе. Предостереженіе, посланное бр. Іару, является почти точнымъ повтореніемъ предостереженія Коробкину.

Если во всѣхъ приведенныхъ программахъ и прокламаціяхъ нигилистовъ мы не находимъ требованія конституціи, это можно объяснить тѣмъ, что „конституція, какъ говорится въ другихъ произведеніяхъ ихъ, послужила бы на пользу только кабатчикамъ, мѣняламъ, чиновникамъ и т. д., которые свободно и безопасно обкрадывали бы народъ“.

Чтобы дополнить и закончить серію посланій, приведемъ еще проэктъ соціальной и политической реформы, написанный однимъ изъ арестованныхъ. Въ этомъ проэктѣ онъ такъ излагаетъ задачи своей партіи:

„Вся земля“, говоритъ онъ, „должна перейти къ крестьянамъ, которые будутъ владѣть ею въ формѣ *великой общины*. Всѣ фабрики и мастерскія будутъ принадлежать рабочимъ, которые будутъ продолжать тамъ работу *безъ хозяевъ*. Тогда прибыль, которая въ настоящее время захватывается хозяевами, пойдетъ, какъ это и слѣдуетъ, въ карманы рабочихъ. Теперешнее правительство, которое завидуетъ всѣмъ, которое отнимаетъ у бѣднаго народа послѣднія крохи его для того, чтобы тратить ихъ на свои дворцы, на содержаніе громадной арміи, многочисленной полиціи, жандармеріи и т. д., должно быть уничтожено. Все государство распадается на *вольныя общины*; каждая изъ нихъ будетъ свободно управляться, внѣ всякой зависимости отъ какого бы то ни было центральнаго правительства. Въ дѣлахъ общей пользы и безопасности (какъ напримѣръ, въ случаѣ нападенія внѣшняго врага), они будутъ обращаться къ спеціальнымъ депутатамъ, которые, собравшись на общее собраніе, примутъ рѣшеніе, наиболѣе согласное съ интересами всѣхъ. Постоянная армія, которая служитъ теперь только для подавленія народныхъ возмущеній, должна быть распущена и замѣнена національной милиціей. Послѣдняя будетъ мобилизоваться только въ случаяхъ крайней необходимости. Эти измѣненія могутъ быть произведены въ очень короткій промежутокъ времени и приведутъ ко всеобщему народному счастію. Вотъ почему всѣ наши силы, вся наша жизнь должны быть посвящены этому великому дѣлу“.

УБІЙСТВО ШПІОНА ВЪ РОСТОВѢ НА ДОНУ ВЪ 1878 Г.

„Въ ночь съ 1-го на 2-ое февраля въ Ростовѣ на Дону убитъ шпіонъ Акимъ Никоновъ. Это убійство произведено нами, революціонерами-соціалистами. Мы объявляемъ объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе и поученіе.

Акимъ Никоновъ, ремесломъ рѣшетникъ, осенью прошлаго года выдалъ на истязаніе правительству своихъ и нашихъ товарищей. Около 30-ти человѣкъ погибаетъ для дѣла, благодаря измѣннику.

Мы защищаемъ интересы милліоновъ народной массы, мы защищаемъ правду противъ лжи и насилія; убійство — для насъ ужасная, тяжелая мѣра. Но правительство, подавляющее весь русскій народъ, высасывающее изъ него всѣ силы, преслѣдуетъ насъ, защитниковъ народа, какъ дикихъ звѣрей. Насъ хватаютъ, душатъ по тюрьмамъ, на каторгѣ. По всѣмъ концамъ Россіи погибаютъ тысячи нашихъ товарищей жертвою своихъ убѣжденій, мучениками за народъ. И во время этой травли, продолжающейся уже столько лѣтъ, находятся люди безъ чести и безъ совѣсти, люди, которые по гнусному страху или изъ корысти шпіонятъ за нами, или измѣняютъ намъ и выдаютъ наши дѣла и насъ самихъ на безчеловѣчную расправу правительства.

Такъ поступилъ и Акимъ Никоновъ. Онъ былъ предатель, — стало быть, *врагъ нашъ, врагъ народнаго дѣла.*

И сколько жертвъ могъ онъ еще вырвать изъ нашихъ рядовъ!

Мы поэтому рѣшились *избавиться* отъ него и *избавились.*

Мы не хотимъ долѣе терпѣть. Мы рѣшились защищаться. Мы будемъ искоренять этихъ Іудъ, искоренять безъ пощады и снисхожденія и объявляемъ объ этомъ громко и открыто.

Пусть знаютъ, что ихъ ждетъ одна награда — смерть!

Къ этому вынуждаетъ насъ русское правительство.“

Отъ редакціи. Казнь шпіона Никонова была произведена кружкомъ первыхъ русскихъ террористовъ: Осинскаго, Сентянина, Свириденко и др. Мы приводимъ текстъ первой прокламаціи, изданной этимъ кружкомъ террористовъ.

ПИСЬМО ВАЛЕРІАНА ОСИНСКАГО.

Дорогіе друзья и товарищи!

Послѣдній разъ въ жизни приходится писать вамъ, и потому прежде всего самымъ задушевнымъ образомъ обнимаю васъ и прошу не поминать меня лихомъ. Мнѣ же лично приходится уносить съ собою въ могилу лишь самыя хорошія воспоминанія о васъ. Особенно спасибо тебѣ, И., за твою сердечность: и я, и жена моя, и В. горячо тебя любили и всей душой благодаримъ за заботливость о насъ.

Мы ничуть не жалѣемъ о томъ, что приходится умирать: вѣдь мы же умираемъ за идею, и если жалѣемъ, то единственно о томъ, что пришлось погибнуть почти *только* для позора умирающаго монархизма, а не ради чего либо лучшаго, и что передъ смертью не сдѣлали того, что хотѣли. Желаю вамъ, дорогіе, умереть производительнѣе насъ. Это единственное, самое лучшее пожеланіе, которое мы можемъ вамъ сдѣлать. Да еще: не тратьте даромъ вашей *дорогой* крови, — и то все берутъ и берутъ!...

— Мы не сомнѣваемся въ томъ, что ваша дѣятельность *теперь* будетъ направлена въ *одну* сторону. Если-бъ даже вы и не на-

писали объ этомъ, то мы и сами могли бы это вывести. Ни за что болѣе, по нашему, партія физически не можетъ взяться. Но для того, чтобы серьезно повести дѣло террора, вамъ необходимы люди и средства...*)

Больше, кажется, нечего писать о дѣлахъ. Такъ и рвешься броситься въ теорію, да руки коротки... и торопишься, и все такое прочее.

— Дай-же вамъ богъ, братья, всякаго успѣха. Это единственное наше желаніе передъ смертью. А что вы умрете и, быть можетъ, очень скоро и умрете съ неменьшей беззавѣтностью, чѣмъ мы — въ этомъ мы ничуть не сомнѣваемся.

— Наше дѣло не *можетъ* никогда погибнуть. Эта-то увѣренность и заставляетъ насъ съ такимъ презрѣніемъ относиться къ вопросу о смерти. Лишь бы жили вы, а если ужъ придется вамъ умирать, то умерли бы попроизводительнѣе насъ. Прощайте и прощайте!...

Поцѣлуйте отъ меня всѣхъ моихъ товарищей и знакомыхъ, здѣшнихъ и заграничныхъ, кто только не забылъ меня. Многіе имѣли противъ меня (хотя въ большинствѣ въ силу недоразумѣнія) кое-что; пусть хоть теперь позабудутъ старые счеты. Я же ни къ кому не уношу въ могилу вражды.

Ты просилъ В., нашихъ біографій. Зачѣмъ, братъ! Если понадобится, то и безъ насъ ихъ могутъ составить. А вообще пусть забываютъ насъ, лишь бы самое дѣло не заглохло.

Прощайте-же друзья, товарищи дорогіе, не поминайте лихомъ. Крѣпко, крѣпко отъ всей души обнимаю васъ и жму до боли ваши руки въ послѣдній разъ...

Вашъ *Валеріанъ.*

14 апрѣля 1879 г.

Мою сестренку сейчасъ по выходѣ ея изъ тюрьмы со свиданія, арестовали и выслали.

(Изъ 5 № „Листка Земли и Воли“)

„ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ“ ВЪ 1878 г.

(ПРОКЛАМАЦІЯ, ИЗДАННАЯ ВЪ 1878 г. ВЪ ТИПОГРАФІИ „З. и В.“)

„Правительственное сообщеніе“, обнародованное по поводу событія 4-го августа, является весьма знаменателнымъ фактомъ въ нашей исторіи, въ особенности, если взвѣсить и оцѣнить его совмѣстно съ послѣдними дѣйствіями и распоряженіями правительства. Призывая общество и народъ на помощь для борьбы противъ „кучки“ или „шайки“ злонамѣренныхъ людей, стремящихся „изъ-за угла“ ниспровергнуть весь существующій государственный поря-

*) Слѣдуютъ практическія указанія, опубликованіе которыхъ теперь невозможно. Ред. „Листковъ З. и В.“

докъ, — правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, поспѣшно издаетъ указы и приказы на случай народныхъ волненій; стѣсняетъ печать; заводитъ по всей Россіи „урядниковъ" — этихъ новыхъ опричниковъ; содержитъ въ столицѣ и другихъ городахъ казачьи пикеты; увеличиваетъ штаты полиціи и жандармовъ; создаетъ цѣлые батальоны шпіоновъ; учреждаетъ въ казармахъ дежурныя роты; закрываетъ славянскіе комитеты; обрекаетъ на ссылку славянофиловъ; уничтожаетъ выборную полицію въ селахъ; увеличиваетъ власть становыхъ и исправниковъ; за самооборону противъ насилія полиціи, жандармовъ и урядниковъ угрожаетъ мирнымъ гражданамъ смертной казнью, какъ за покушеніе на жизнь самого Государя; объявляетъ всю Россію на военномъ положеніи и замѣняетъ военнымъ судомъ — судъ присяжныхъ... Но какъ же согласовать призывъ правительства къ народу и обществу со всѣми этими мѣрами и предпріятіями, съ этимъ дикимъ проявленіемъ самодержавнаго деспотизма? Не ясно ли, что, призывая общество и народъ къ себѣ на помощь, правительство въ то же время опасается ихъ и грозитъ имъ? Да, самодержавіе потеряло всякую почву подъ ногами; оно всюду зорко оглядывается, и вездѣ ему мерещится пламя кровавой революціи; оно относится ко всѣмъ одинаково подозрительно: и къ народу, и къ обществу, и къ соціалистамъ... Но если правительство никому не довѣряетъ и всѣхъ опасается, то какъ же и чѣмъ объяснить его призывъ къ обществу? На это даетъ намъ отвѣтъ закулисная исторія правительственнаго сообщенія.

4-го августа, въ 10 ч. утра, исправляющій должность Министра Внутреннихъ Дѣлъ, г. Маковъ, еще не зная ничего о роковомъ событіи на Михайловской площади, прибылъ въ Царское Село съ обычнымъ докладомъ къ Государю. Во время доклада въ одиннадцатомъ часу, вбѣгаетъ въ кабинетъ Государя графъ Адлербергъ съ только-что полученной имъ телеграммой изъ Петербурга. „Ваше Величество" — проговорилъ графъ — „Мезенцовъ убитъ". При этихъ словахъ Государь моментально поблѣднѣлъ какъ полотно, бывшая въ его рукахъ бумага выпала изъ рукъ, и онъ отшатнулся назадъ... Пришедши въ себя, Царь гнѣвно воскликнулъ: „Это все газеты... Мнѣ надоѣли газеты... Объяви, графъ, мое повелѣніе о запрещеніи всѣхъ газетъ Совѣту Министровъ; пусть онъ распорядится о приведеніи его въ исполненіе..." Въ тотъ же день, вечеромъ, собрался въ Царскомъ Селѣ Совѣтъ Министровъ. Графъ Адлербергъ, отъ имени Государя, объявилъ Министрамъ Высочайшее повелѣніе о запрещеніи всѣхъ газетъ въ Имперіи, за исключеніемъ правительственныхъ: губернскихъ и полицейскихъ вѣдомостей и „Правительственнаго Вѣстника". Министры были смущены и поражены; но никто изъ нихъ не рѣшился прямо высказаться противъ такого акта сумашествія. Послѣ долгаго томительнаго молчанія стали разсуждать о томъ, кто долженъ составить проектъ указа о запрещеніи газетъ, — и тутъ только начались оживленныя пренія, или, вѣрнѣе, препирательства; каждый министръ постарался уклониться отъ предла-

гаемой чести, и, въ концѣ концовъ, никто не рѣшился на это. Тогда экспромтомъ явилась мысль о томъ — нельзя ли умилостивить какъ-нибудь Государя, смягчить его гнѣвъ; это находили необходимымъ въ особенности потому, что одновременное запрещеніе всѣхъ газетъ въ Россіи произведетъ громадный скандалъ въ Европѣ и подорветъ въ ея глазахъ „освободительную и просвѣтительную“ миссію Россіи на Востокѣ. Рѣшено было, что Маковъ сейчасъ-же ночью отправится въ Петербургъ, призоветъ къ себѣ редактора „Голоса“, г. Бильбасова, и заставитъ его, подъ разными угрозами, помѣстить такую статью въ газетѣ по поводу событія 4-го августа, которая непремѣнно бы понравилась Государю. Поздно ночью пріѣхалъ въ Петербургъ г. Маковъ и призвалъ къ себѣ г. Бильбасова; разговоръ съ послѣднимъ продолжался недолго, и онъ рѣшился на „гражданскій подвигъ“. Отъ Макова Бильбасовъ отправился къ извѣстному, выжившему изъ ума патріоту — къ генералу М. Богдановичу, автору „Отечественной войны 12-го года“. Этотъ генералъ, понявъ, чего отъ него хочетъ Бильбасовъ, взялъ въ свои старческія руки перо и, недолго думая, написалъ ту знаменитую передовую статью, которая была помѣщена въ „Голосѣ“ отъ 5-го августа и которая произвела такое отвратительное впечатлѣніе на все русское общество. Этотъ историческій номеръ газеты былъ отпечатанъ на царской бумагѣ и утромъ доставленъ Государю. Ловушка была хорошо придумана. Монарху пришлась по сердцу исполненная цинизма статья „Голоса“, и онъ измѣнилъ „гнѣвъ“ на „милость“. На другой день онъ сказалъ Макову: „Я читалъ статью въ „Голосѣ“, она мнѣ понравилась... Пусть и другія газеты пишутъ въ этомъ же духѣ“. Такъ кончилась забавная исторія о запрещеніи всѣхъ русскихъ газетъ, — забавная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поучительная. Она доказываетъ, какъ крѣпко не довѣряетъ самодержавіе нашему обществу, какъ оно его презираетъ и съ какимъ страхомъ относится, не только къ свободному слову, но даже и къ рабскимъ возгласамъ нашей подавленной печати...

Газетная исторія была первымъ шагомъ правительства на пути къ призыву общества... Правда, это нелѣпо; но какой же, спрашивается, нелѣпости нельзя ожидать отъ нелѣпаго самодержавія?

Второй шагъ былъ болѣе игриваго свойства — это исторія съ адресами. 5-го августа, въ субботу, петербургскій градоначальникъ Зуровъ призвалъ къ себѣ помощника городского головы и объяснилъ ему, что необходимо сегодня же приготовить Государю адресъ отъ городскаго общества съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ по поводу убійства генерала Мезенцова. На предложеніе Зурова помощникъ городскаго головы объявилъ, что невозможно приготовить адресъ сегодня же, но что онъ готовъ созвать городское общество въ понедѣльникъ и предложить ему написать Государю адресъ въ томъ духѣ, какъ требуется. „Нѣтъ“ — отвѣчаетъ Зуровъ — этого нельзя откладывать въ долгій ящикъ, нужно непремѣнно, чтобы завтра адресъ былъ представленъ Го-

сударю, а въ понедѣльникъ онъ долженъ появиться въ печати. Мы съ вами сейчасъ же напишемъ адресъ, и Вы его подпишите отъ имени городскаго общества". Подложный адресъ былъ написанъ, представленъ Государю, одобренъ имъ и напечатанъ въ газетахъ. Такъ была заведена адресная шарманка на тему: „Славься же, славься нашъ Русскій Царь!"... Но, о ужасъ, — эта мѣра, скромно требовавшая отъ обывателей пропѣть гимнъ самодержавію, безъ особой пошлины, тѣмъ не менѣе оказалась непопулярной.... Адресы, не смотря на всю ихъ обязательность, появлялись весьма туго и, наконецъ, почти совсѣмъ прекратились. До 15-го числа появились на столбцахъ „Правительственнаго Вѣстника" адресы всего изъ семи мѣстъ, если не считать Петербурга, именно: изъ Тамбова 4 адреса, изъ Москвы — 3, изъ Владиміра — 1, изъ Тулы — 1, изъ Казани — 2, изъ Саратова — 1 и изъ Пензы — 2. При этомъ нѣкоторые изъ этихъ адресовъ несомнѣнно носятъ характеръ подложности; напр., адресъ отъ дворянства и земства Пензенской губерніи написанъ просто отъ лица предводителя дворянства, депутатовъ дворянства и предсѣдателя земской управы, взявшаго на себя роль говорить отъ всего земства; 2 адреса изъ Казани: одинъ отъ дворянства — написанъ отъ лица губернскаго предводителя дворянства, а другой отъ земства — написанъ отъ лица заступающаго мѣсто предсѣдателя губернской земской управы!!! Но затѣмъ, съ 15-го числа, адреса вовсе прекратились, какъ будто всѣ вѣрноподданные Русскаго Государя вдругъ исчезли съ лица земли или, по малой мѣрѣ, надѣли шапку невидимку. Правительство было сконфужено, заплевано: оно чувствовало, что авторитетъ его былъ подорванъ, какъ внутри Россіи, такъ и заграницей.

Но какъ же загладить свою неудачу съ адресами? Какъ избавиться отъ скандала? Какъ, наперекоръ дерзкому молчанію вѣрноподданныхъ, доказать имъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и просвѣщенной Европѣ, что власть русскаго самодержавія еще не поколебалась, что народъ и общество на сторонѣ правительства, и что они готовы помогать ему въ борьбѣ съ соціалистами? Нужно было доказать это, и правительство рѣшило выкинуть новый фокусъ, сдѣлать новый колоссальный подлогъ! И вотъ, на страницахъ „Правит. Вѣстника" появляется знаменитое „Правительственное сообщеніе", которымъ, на основаніи адресовъ, полученныхъ изъ семи городовъ, изъ которыхъ четыре (1 Петербургскій, 2 Казанскихъ и 1 Пензенскій) несомнѣнно подложные, — говорится, что „Русскій народъ во всеуслышаніе провозглашаетъ нарушителей государственнаго и общественнаго спокойствія и виновниковъ совершенныхъ преступленій отверженниками и съ негодованіемъ отворачивается отъ ихъ кровавой дѣятельности. Онъ громко требуетъ и ожидаетъ защиты отъ законныхъ властей и проситъ правительство съ корнемъ вырвать позорящее русскую землю зло." Совершивъ такую шулерскую передержку, правительство, съ важностью индѣйскаго пѣтуха, выкрикиваетъ, что имъ получены „частныя письма" (?!) „даже отъ крестьянъ" съ заявле-

ніемъ, что они „возмущены до глубины души дѣятельностью преступниковъ и пропагандистовъ лжеученій, чуждыхъ русскому народу.“ Экая, подумаешь, интимная солидарность завязалась вдругъ у правительства съ народомъ! Хлестаковъ, конечно, спасовалъ бы передъ самодержавнымъ правительствомъ въ сплетеніи лжи и обмана! ;

Таково вступительное слово „Правительственнаго сообщенія“ по началу можно себѣ составить понятіе и о его концѣ. И тутъ, и тамъ — одинаковая фальшь, одинаковое безцеремонно-фельдфебельское обращеніе съ обществомъ, съ этимъ „быдломъ“ русскаго самодержавія!

Доказавъ по фальшивымъ и несуществующимъ документамъ свою якобы неразрывную связь съ народомъ и обществомъ, — правительство, вооружившись „дубинкой“ (урядниками, пикетами, дежурными ротами, военными судами и т. п.), говоритъ обществу: „я изнемогаю въ борьбѣ съ соціалистами и отнынѣ мнѣ нужно найти опору въ обществѣ и потому считаю необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа. Русскій народъ и всѣ его представители на дѣлѣ (?) должны показать, что въ средѣ ихъ нѣтъ мѣста соціалистамъ, что они дѣйствительно считаютъ ихъ отверженниками и что каждый вѣрноподданный Русскаго Государя будетъ всѣми зависящими отъ него мѣрами способствовать правительству къ искорененію соціалистовъ“. Истинный смыслъ этого призыва къ обществу безъ сомнѣнія заключается въ слѣдующемъ: „жандармы, прокуроры, полиція, сыщики и шпіоны, получающіе отъ правительства жалованіе, — недостаточны для борьбы съ соціалистами. Нужно, чтобы каждый вѣрноподданный Русскаго Государя превратился въ сыщика и шпіона, принялъ бы участіе въ травлѣ соціалистовъ, сдѣлался бы преданнымъ слугою III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.“ Вотъ до какого цинизма дошло, наконецъ, отношеніе правительства къ обществу!!!

Нѣкоторыя газеты изъ кожи лѣзли, стараясь загладить негодованіе, обнаружившееся въ обществѣ по поводу призыва его къ шпіонству и доносамъ. Они съ жадностью ухватились за „Правит. сообщеніе“, надѣясь перетолковать его въ свою пользу, въ пользу излюбленной конституціи. Газетные политики начали доказывать, что правительство своимъ „призывомъ“ не только не думало давать пощечины обществу, но, напротивъ того, этимъ актомъ „великой мудрости“ оно намекаетъ на свое желаніе расширить права общества, даровать ему „нѣкоторую“ дозу большей свободы печати и призвать его къ „нѣкоторому“ участію въ управленіи государственными дѣлами и т. п. Подлая печать, воспользовавшись дурацкимъ положеніемъ правительства, заговорила своимъ рабскимъ языкомъ о конституціи, предлагая за эту конфетку — на съѣденіе живьемъ всѣхъ соціалистовъ и свою помощь противъ нихъ. Лакейская печать начала мечтать о лакейской свободѣ, забывъ на время цензурный кнутъ и затѣи барина о запрещеніи всѣхъ газетъ! Но подлость не спасла лакеевъ отъ гнѣва барина,

и грезы о лакейской свободѣ рушились.... 29-го числа цензурный кнутъ былъ вытребованъ изъ чулана орудій пытки, и палачъ свиснулъ имъ расходившуюся печать, въ лицѣ „Русскаго Міра“, позволившаго себѣ слишкомъ толстый намекъ на конституцію, а обществу поднесенъ новый конституціонный букетъ: всѣмъ губернаторамъ предоставлено право административной ссылки въ Сибирь, вплоть до Якутска!

Комедія кончилась; занавѣсъ медленно опустился.... Общество снова очутилось лицомъ къ лицу съ самодержавіемъ, окруженномъ урядниками, пикетами, дежурными ротами и шпіонами — этими истинными друзьями всякаго деспотизма.

Отвратительно и омерзительно самодержавіе; но еще болѣе отвратительны и омерзительны тѣ гнусные лакеи, которые курятъ ѳиміамъ этому самодержавію, не смотря на всѣ его гнусныя дѣла и продѣлки; тѣ лакеи, которые мечтаютъ своими подлыми, льстивыми рѣчами добиться обрывышей свободы, въ видѣ подачки отъ самодержавія!

Но русское общество должно понять, что надо не клянчить, а добиваться свободы! Оно должно это понять и организоваться для борьбы съ правительствомъ. Если русское общество начнетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, если оно энергично примется за свою задачу, то, конечно, соціалисты окажутъ ему свою дѣятельную поддержку, такъ какъ въ данный моментъ у нихъ одна общая цѣль — добиться политической свободы!

КАКЪ ЦАРЬ ТРУСУ ПРАЗДНУЕТЪ.

(Изъ 24 № „Общаго Дѣла“, за іюнь 1879 г.)

По возможности кратко и только на основаніи фактовъ, почерпнутыхъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, постараюсь передать читателямъ кое-какія подробности о только что (въ маѣ 1879 г.) совершенной царемъ поѣздкѣ въ Крымъ.

Мѣры, принятыя при этомъ, нѣсколько разнились отъ практиковавшихся въ этомъ случаѣ въ прежніе годы. Бывало, переѣздъ царя съ царицей въ Крымъ совершался такимъ образомъ, что впереди шелъ императорскій поѣздъ, въ которомъ ѣхали величества и приближенныя особы, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него слѣдовалъ второй поѣздъ, дополнительный или свитскій, вмѣщавшій въ себѣ всю второстепенную дворню. Ныньче остроумные охранители священныхъ особъ придумали новую, болѣе курьезную, обстановку, носившую характеръ старыхъ водевилей съ переодѣваніемъ: впереди шелъ разцвѣченный флагами, а по вечерамъ сіявшій огнями, императорскій поѣздъ, совершенно пустой, за нимъ въ разстояніи часа, двигался безъ всякихъ украшеній, въ которомъ, какъ тать, скрывался нашъ обожаемый монархъ съ своей женой и свитой и въ заключеніе шелъ дополнительный. Какую богатую пищу могъ бы почерпнуть для себя Оффенбахъ изъ тѣхъ опереточныхъ и высоко-комическихъ поло-

женій, къ которымъ подавало поводъ это оригинальное путешествіе величественнаго русскаго монарха по своей странѣ. На станціяхъ губернскихъ городовъ, черезъ которые пролегалъ царскій путь, собиралась вѣрноподанная публика и оффиціальные чины въ блестящихъ мундирахъ и регаліяхъ, имѣя во главѣ губернатора, державшаго въ дрожащихъ рукахъ рапортъ о благосостояніи ввѣренной ему губерніи; поѣздъ подходилъ, наступало благоговѣйное молчаніе, всѣ лица складывались въ изображеніе безпредѣльной преданности, военные вытягивались въ струнку, прикладывая руки къ каскамъ, штатскіе обнажали свои головы, священный трепетъ обнималъ всѣхъ; въ иныхъ городахъ (въ Курскѣ) воспитанницы учебныхъ заведеній затягивали „Боже царя храни". Поѣздъ величественно подкатывался къ станціи, священная минута наступила! Но минута это продолжалась очень долго, руки, отдававшія честь, уставали, а изъ вагоновъ черезъ нѣсколько времени, къ общему удивленію, выскакивалъ какой-нибудь незначительный желѣзнодорожный чиновникъ, смущенный торжественностью встрѣчи, не смотря на то, что уже былъ къ этому приготовленъ на предъидущихъ станціяхъ, и сконфуженно объявлялъ, что поѣздъ пустъ, а что ихъ величества прослѣдуютъ черезъ часъ. И, дѣйствительно, поѣздъ, вмѣщавшій въ себѣ гордость и славу Россіи, приходилъ черезъ часъ и монархъ, съ несвойственной его величію поспѣшностью, выскакивалъ какъ-то изъ вагона и какъ то нервозно и растерянно принималъ трепетныя изліянія вѣрноподданническихъ чувствъ и быстро уѣзжалъ дальше.

Странное, должно быть, впечатлѣніе оставлялъ послѣ себя этотъ проѣздъ царя въ публикѣ провинціальныхъ городовъ; онъ не проносился блестящимъ величественнымъ метеоромъ, какъ это было въ прежніе года, а какъ-то трусливо и воровски пробирался по Россіи.

...Наступало время ѣхать обратно въ Петербургъ; по составленному ранѣе маршруту царь долженъ былъ сдѣлать заѣздъ въ Берлинъ на праздникъ золотой свадьбы германскаго императора, куда его особенно влекло желаніе получить изъ рукъ старика Вильгельма почетную саблю. Еще въ началѣ апрѣля уѣхалъ изъ Петербурга Треповъ съ порученіемъ принять въ Берлинѣ полицейскія мѣры для предотвращенія могущаго тамъ произойти покушенія на жизнь царя; часть петербургскихъ опытныхъ полиціантовъ должна была также быть выслана къ концу мая въ Берлинъ; Треповъ на исполненіе этого порученія получилъ довольно значительную сумму денегъ. Такимъ образомъ, все, казалось, было налажено; но по мѣрѣ того, какъ приближалась рѣшительная минута выѣзжать изъ Крыма въ Берлинъ, страхъ снова сталъ овладѣвать какъ царемъ, такъ и близкими окружающими. начался безпрестанный обмѣнъ депешъ между русской и прусской полиціями, и въ концѣ концовъ рѣшено было отказаться отъ рискованной поѣздки на томъ основаніи, что прусская полиція, гарантировавшая безопасность царю въ Берлинѣ, не ручалась за то, чтобы не случилось чего нибудь на переѣздѣ отъ руской

границы до Берлина. Бѣдный царь! онъ, надо полагать, глубоко скорбѣлъ о неосуществленіи своей мечты—принять торжественно почетную саблю изъ рукъ германскаго императора и только до нѣкоторой степени утѣшился, когда старый Вильгельмъ обѣщалъ ему прислать въ Петербургъ вмѣстѣ съ саблей своего вѣрнаго камердинера, трогательное свиданіе царя съ которымъ описано, какъ въ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ газетахъ. И вотъ съ тѣми же предосторожностями и тою же оффенбаховскою величественностью совершился обратный переѣздъ царя изъ Ливадіи и водвореніе его въ Царскомъ Селѣ.

Всегда лѣтнею царскою резиденціею былъ Петергофъ, но нынче пришлось поступиться и этой прихотью, потому что Петергофъ, какъ доступный и съ суши, и съ моря, представляется болѣе открытымъ для операцій соціалистовъ, чѣмъ Царское Село; но вскорѣ III отдѣленіе получило свѣдѣніе, что злоумышленники хотятъ взорвать царскій поѣздъ, подкладывая на рельсы какія-то новыя взрывчатыя бомбы овальной формы. Надзоръ за Красносельской линіей тотчасъ былъ усиленъ елико возможно; но царь не положился на бдительность желѣзнодорожныхъ стражниковъ и рѣшилъ ѣздить въ Красное Село рѣже и только въ экипажѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что мы будемъ свидѣтелями, какъ нынче осенью онъ и въ Ливадію поѣдетъ въ экипажѣ, чтобы избѣжать овальныхъ бомбъ соціалистовъ.

Я постарался только на основаніи самыхъ вѣрныхъ данныхъ представить внѣшнюю сторону поѣздки царя: по этой неполной картинѣ предоставляется каждому судить о его душевномъ настроеніи, о томъ постоянномъ страхѣ, жертвой котораго онъ сдѣлался со времени выстрѣла 2 апрѣля. Да, Соловьевъ его не убилъ, но онъ уничтожилъ въ немъ и тѣ немногіе остатки человѣческаго облика, которые въ немъ были прежде, и теперь передъ нашими глазами на русскомъ тронѣ, возсѣдаетъ, дрожа отъ страха, какая то смѣшная развалина еще недавно бывшаго могущественнымъ властелиномъ. Для юристовъ — это личность въ состояніи невмѣняемости, для врача—это патологическій субъектъ. И, любопытно бы высчитать, во что обходятся обнищавшей Россіи всѣ эти усиленныя мѣры, для сбереженія его трусливаго величества: сколько лишнихъ милліоновъ дефицита прибавится въ злополучномъ бюджетѣ Грейга, въ которомъ и безъ того такъ плохо концы сведены съ концами? что стоятъ всѣ эти генералъ-губернаторства съ ихъ многочисленными канцеляріями, съ этими сверхсмѣтными передержками на усиленіе корпуса жандармовъ, легіона шпіоновъ, полчища дворниковъ и т. д.? что стоитъ эта охрана царскаго поѣзда при поѣздкѣ въ Крымъ, когда на 600-верстномъ протяженіи николаевской линіи было выставлено 6000 крестьянъ? Сосчитавши все это, невольно придется воскликнуть: да, дѣйствительно, *драгоцѣнна* жизнь нашего монарха!

Д-ръ Н. Бѣлоголовый.

ВЗРЫВЪ ЦАРСКАГО ПОѢЗДА въ 1879 г.

[Изъ *„Русскаго Архива“* 1894 г., № 10]

18 ноября (1879 г.) Государь Императоръ Александръ II проѣзжалъ черезъ Тулу, на обратномъ пути изъ Крыма. Губернскій предводитель Самаринъ и я (Епифановскій уѣздный предводитель, только что пожалованный въ должность шталмейстера) встрѣчали Государя на вокзалѣ. По обыкновенію, привѣтливо поговоривъ съ нѣкоторыми, Государь прослѣдовалъ дальше. Я остался на вокзалѣ дожидаться свитскаго поѣзда, который проходилъ черезъ 20 минутъ. Дѣло было къ вечеру. Мнѣ хотѣлось попасть въ Москву къ царскому выходу, т. е. на другой день, 20-го утромъ. Въ свитѣ мнѣ всѣ были знакомы, я и хотѣлъ просить, чтобы меня взяли до Москвы, такъ какъ во время царскихъ проѣздовъ пассажирскіе поѣзда обыкновенно очень запаздывали. Пока я ждалъ на вокзалѣ, подошелъ ко мнѣ тульскій полицеймейстеръ Тришанай, очень утомленный, но и очень довольный, что царскій поѣздъ проѣхалъ благополучно черезъ Тулу. Ужъ наслушался я отъ него страховъ, и что рельсы-то набиты чѣмъ-то, и торпеды готовятъ бросить подъ царскій поѣздъ — просто ужасы!.... Я недовѣрчиво качалъ головою. Подошелъ свитскій поѣздъ, наружностью мало отличавшійся отъ царскаго, развѣ что было много багажныхъ вагоновъ. Я попросилъ коменданта поѣзда позволить мнѣ сѣсть въ помѣщеніе инженеровъ курской желѣзной дороги, которые любезно уступили мнѣ купе. Получивъ разрѣшеніе, я поѣхалъ въ Москву. Всюду оказывались поѣзду царскія почести. Мы шли 20-ю минутами позже и по росписанію, утвержденному собственно для царскаго поѣзда. Въ Симферополь Государь пріѣхалъ получасомъ ранѣе назначеннаго времени, такъ что надо было ждать полчаса отправленія свитскаго поѣзда, который долженъ былъ идти впереди. Желая выиграть время и пріѣхать ранѣе въ Москву, графъ А. В. Адлербергъ предложилъ отправить царскій поѣздъ впередъ, по росписанію свитскаго, а свитскій чтобы шелъ по росписанію царскаго; — такъ и было сдѣлано. Мы шли быстро. Я читалъ почти всю дорогу, которая прошла какъ-то даже незамѣтно, и я немного удивился, когда кондукторъ мнѣ сказалъ: „Сейчасъ Москва, прошли уже товарную станцію“. Я сталъ надѣвать шинель, которую мнѣ подалъ кондукторъ, какъ раздался странный трескъ, и сильнымъ толчкомъ меня отбросило въ дверь вагона.... Вагонъ запрыгалъ, закачался! *Крушеніе!* успѣлъ я только крикнуть инженерамъ-сосѣдямъ, а самъ, слыша ломку буферовъ и боясь быть раздавленнымъ надвигавшимся вагономъ, рванулъ къ двери и выскочилъ изъ вагона вмѣстѣ съ кондукторомъ въ снѣгъ. Все произошло быстрѣе, чѣмъ это можно разсказать. Было туманно. Выскакивая и запутавшись въ проволокахъ опрокинутаго столба, я упалъ Около лежавшаго столба охалъ какой-то сторожъ, котораго зацѣпило столбомъ, и еще, кажется, городовой, котораго оглушило. Мѣсто, куда я выскочилъ, находилось противъ неболь-

шой ямы, надъ которой еще бѣлѣлъ дымокъ. Пахло динамитомъ —запахъ мнѣ знакомый, такъ какъ у насъ въ каменно-угольныхъ шахтахъ работаютъ съ динамитомъ. Мнѣ вспомнились слова тульскаго полицеймейстера.... Неужели покушеніе?... Запахъ динамита, упавшій телеграфный столбъ, яма — ясно указывали на это.... Тяжелое чувство! Но я невольно перекрестился: слава Богу, миновало! Первое смятеніе прошло....

— Что такое? громко окликнулъ я оберъ-кондуктора, который былъ съ Николаевской желѣзной дороги.

— Мостъ провалился, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ.

— Локомотивъ лопнулъ, ваше превосходительство, доложилъ какой-то, какъ изъ земли выросшій, полицейскій офицеръ, страшно перепуганный и принявшій меня по придворной формѣ за генерала; у офицера дрожала рука, которую онъ держалъ подъ козырекъ.

— Какой вздоръ вы говорите! сказалъ я раздражаясь. Вы лучше бы смотрѣли, что-бы торпеды не подбрасывали подъ поѣздъ.

— Помилуйте, какія торпеды? Что Вы? говорилъ офицеръ дрожащимъ голосомъ. — Въ сторонѣ показался огонекъ за линіею, продолжалъ онъ, мы всѣ и бросились туда, а пока они...

Въ это время мы подвинулись впередъ и дошли до того мѣста, гдѣ вверхъ колесами лежалъ, взорванный Гартманомъ черезъ подкопъ, багажный вагонъ; онъ оторвался и перевернулся вверхъ. Будь это съ пассажирскимъ вагономъ, прямо таки мармеладъ человѣческій вышелъ бы. Сомнѣнія не было! Офицеръ такъ и ахнулъ.

— По запаху динамита ясно, что это торпеда, сказалъ я.

Мнѣ и въ голову не приходило, что это, какъ оказалось потомъ, подкопъ — въ Москвѣ, въ Бѣлокаменной! Уже впослѣдствіи это выяснилось. Нашли и депешу Сухорукову изъ Симферополя, гласившую: „цѣна пшеницы 2 рубля, наша цѣна 4.“ Это означало — 2-ой поѣздъ, 4-ый вагонъ, въ которомъ предполагалось поѣдетъ Государь и который благодаря измѣненію поѣздовъ, проѣхалъ благополучно. Гартманъ и взорвалъ 4-ый, но, къ счастію, багажный вагонъ, да еще съ крымскими фруктами, такъ что не было человѣческихъ жертвъ: вышелъ въ самомъ дѣлѣ мармеладъ, только яблочный, а не человѣческій. А огонекъ, который видѣла полиція въ сторонѣ и бросилась на него, былъ (?) фальшфейеръ, т. е. нѣчто въ родѣ ракеты, которую въ моментъ, когда нашъ поѣздъ вышелъ изъ-за закругленія, отъ товарной станціи, зажгла Софья Перовская, чтобы дать знать о нашемъ приближеніи: она и тогда, какъ и 1-го марта 1881 г., исполняла роль сигнальщицы.

Сбѣжался народъ. Я поспѣшилъ взять извозчика, чтобы летѣть во дворецъ. Мнѣ все казалось — могутъ бросить торпеду еще гдѣнибудь: надо предупредить. Я летѣлъ въ кремлевскій дворецъ съ мучительными мыслями, а, когда подъѣхалъ къ нему, мнѣ стало еще тяжелѣе.... Какой ужасъ привезти подобное извѣстіе!.... Ока-

залось, что оберъ-полицеймейстеръ и генералъ-губернаторъ уже уѣхали изъ дворца. Государь ложился почивать. Я прошелъ въ аппартаменты министра императорскаго двора, къ графу А. В. Адлербергу, моему прямому начальнику. Меня не хотѣлъ пустить камердинеръ, говоря, что графъ ложится спать, усталый отъ двухъ-дневнаго путешествія, такъ какъ графъ дорогою не спитъ. Я вошелъ безъ доклада, чему, конечно, графъ удивился. Я въ короткихъ словахъ разсказалъ, въ чемъ дѣло, но былъ, разумѣется, очень взволнованъ. Графъ слушалъ внимательно, но недовѣрчиво.

— Вы знаете, при крушеніи нервы бываютъ очень разстроены. Вы ложитесь спать и, когда выспитесь, Вамъ все иначе покажется.

Мой очередъ былъ удивляться.

— Мнѣ не въ первый разъ, къ несчастью, быть въ поѣздахъ во время крушенія. Могу увѣрить васъ, графъ, что это динамитный взрывъ. Вѣдь отъ мѣста катастрофы верстъ 6—7 отсюда: еслибъ нервы мои расходились, и то можно успокоиться.

Графъ повѣрилъ мнѣ, наконецъ, и побѣжалъ со мною къ генералъ-адъютанту Дрентельну. Тотъ уже совсѣмъ не повѣрилъ.

— Не можетъ быть: у меня нѣтъ депеши! сказалъ онъ, глядя пристально то на меня, то на графа.

— Да, и не можетъ быть, ваше превосходительство: все это случилось не болѣе, какъ полчаса назадъ. Никто не успѣлъ прибыть на мѣсто; да и депеша не скоро будетъ, такъ какъ телеграфныя проволоки всѣ порваны.

Дрентельнъ тотчасъ собрался туда скакать, но его уговорили тѣмъ, что его присутствіе ничему не поможетъ. — Да и туманъ густой, доложилъ я.

— Поѣзжайте немедленно къ генералъ-губернатору, князю Долгорукому, и доложите ему о случившемся, сказалъ мнѣ графъ Адлербергъ.

Я поскакалъ на Тверскую площадь. Князь Долгоруковъ только что расположился пить чай, въ халатѣ. Мое позднее появленіе его очень озадачило. — Что случилось? спросилъ онъ, узнавъ, что я отъ графа Адлерберга.

Я принялся разсказывать все, какъ было, и все твердилъ про торпеды. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое мои слова произвели на князя Владиміра Андреевича. Я никогда не ожидалъ, чтобы человѣкъ могъ такъ испугаться, какъ онъ тогда. Онъ меня перебилъ:

— Покушеніе въ Москвѣ, говорите вы? Никогда, милостивый государь: это вамъ все показалось! И, схвативъ меня за пуговицу мундира, онъ долго тормошилъ ее, приговаривая: никогда, никогда!

Мнѣ стало жаль старика, но я стоялъ на своемъ. Успокоившись, опять началъ при мнѣ молиться и благодарить Бога, что опасность миновала для обожаемаго Монарха.

— Поѣзжайте къ оберъ-полицеймейстеру; а я сдѣлаю свои распоряженія. Прокурора, слѣдователя сюда! Скорѣй, скорѣй! твердилъ онъ.

Когда я подъѣхалъ къ подъѣзду оберъ-полицеймейстера, туда подлетѣла взмыленная пара: это былъ приставъ рогожской части, у котораго случилось несчастіе.

— Второй императорскій поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, рапортовалъ онъ дежурному чиновнику въ передней.

— Нѣтъ, не сошелъ, а взорванъ! перебилъ я.

Надо было видѣть удивленіе пристава.

— Этого никто не можетъ доказать.

— Да, неизвѣстно, чѣмъ онъ взорванъ; но онъ взорванъ,—я былъ въ поѣздѣ....

Приставъ окончательно сконфузился. Утромъ уже выяснилось, что это былъ подкопъ и проч.

На Курскомъ вокзалѣ все еще ждали свитскаго поѣзда. Товарная станція сообщила, что поѣздъ вышелъ; ходу пять минутъ. Ждутъ 10, 15 минутъ — нѣтъ поѣзда. Все начальство на лицо; они только что получили благодарность за благополучное прослѣдованіе царскаго поѣзда по ихъ дорогѣ. Всѣ начинаютъ безпокоиться.

— Узнайте, не дано ли отправленіе раньше времени? говоритъ управляющій дорогой.

А. П. Орловъ бѣжитъ въ телеграфъ. — Спросите, не дала ли знать „товарная Москва" раньше прихода поѣзда? обращается онъ къ телеграфисткѣ. Та стучитъ.

— Аппаратъ не дѣйствуетъ, говоритъ она.

Соедините съ другимъ аппаратомъ! — Таже исторія: оказывается, ни одинъ изъ 10 не дѣйствуетъ. — Волненіе усиливается.

— Подать паровозъ! требуетъ начальникъ дороги.

Прошло уже болѣе получаса, вдругъ видятъ, бѣжитъ дорожный мастеръ. Онъ бѣжитъ отъ мѣста катастрофы, запыхался и такъ взволнованъ, что не могъ слова вымолвить. Его теребятъ, спрашиваютъ, что случилось? Наконецъ, онъ съ трудомъ выговариваетъ:

— Несчастіе — поѣздъ взлетѣлъ на воздухъ....

— Какъ?!

— Весь! — отвѣчаетъ онъ.... Ему со страху Богъ вѣсть, что показалось.

Государю утромъ первый доложилъ о случившемся камердинеръ со словъ стремянного государева, который былъ въ поѣздѣ. Черезъ нѣсколько времени явились генералъ-губернаторъ и оберъ-полицеймейстеръ; послѣдній съ отставкою, которая не была принята. Государь былъ очень покоенъ. Мы всѣ ждали въ залахъ дворца выхода Е. И. Величества. Меня осаждали вопросами. Наконецъ, вышелъ Императоръ. Въ первой залѣ стояли дамы съ одной, мы, придворные — съ другой стороны. Многіе были такъ взволнованы, что еле могли говорить. У меня тоже щемило въ горлѣ, когда я увидѣлъ Императора.

....Москва была поражена этимъ происшествіемъ: это было покушеніе въ стѣнахъ ея!....

Князь Д. Д. Оболенскій.

О ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВѢ ВЪ 1880 - 1881 г.г.

Всѣ, пережившіе событія послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ 5 февр. 1880 г., могутъ засвидѣтельствовать, что нѣтъ достаточно сильныхъ словъ для описанія того ужаса и унынія, которые овладѣли всѣми классами общества. По городу ходили слухи о рядѣ взрывовъ, готовившихся къ 19 февралю, дню освобожденія крестьянъ, въ различныхъ частяхъ столицы; указывались даже улицы, на которыхъ были заложены мины; многія семьи, перепуганныя зловѣщими слухами, мѣняли квартиры, другія совсѣмъ уѣзжали изъ города. Полиція, убѣдившись въ собственномъ безсиліи, теряла голову; государственная машина двигалась лишь по привычкѣ, чисто рефлективно; публика, замѣчавшая это, настаивала на перемѣнѣ всей системы, призывая спасителя, имя котораго громко выкрикивалось всѣми либеральными голосами.

Вытребованные въ Петербургъ генералъ-губернаторы были приглашены, совмѣстно съ другими высшими сановниками имперіи, на чрезвычайный совѣтъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя. Всякій, кто попытался бы воспроизвести физіономію этого памятнаго засѣданія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его описывали впослѣдствіи многіе очевидцы, былъ бы, конечно, обвиненъ въ драматическомъ преувеличеніи. По словамъ этихъ очевидцевъ, картина, которую имъ тогда пришлось увидѣть, невольно вызвала въ умѣ у всѣхъ присутствующихъ сравненіе съ картиной паники экипажа на погибающемъ кораблѣ. Грустный, мучимый припадками астмы, Александръ II поминутно пріотворялъ дверь своего кабинета, чтобы освѣдомиться о запоздавшихъ; царскіе генералъ-адъютанты видѣли, какъ онъ появлялся на порогѣ, точно встревоженный призракъ, и осиплымъ голосомъ называлъ имена своихъ излюбленныхъ слугъ, сподвижниковъ своихъ лучшихъ дней, начальниковъ полиціи, наиболѣе пользовавшихся его довѣріемъ. Затѣмъ, когда всѣ собрались, онъ вошелъ въ кабинетъ, чтобы опросить своихъ совѣтниковъ. Одни изъ нихъ, неспособные въ эту минуту рѣшительно ничего придумать, молчали; другіе, повторяя зады, поддерживали мѣры, негодность которыхъ была уже доказана опытомъ; противорѣчивыя мнѣнія и указанія перекрещивались, каждый отстаивалъ лишь свое собственное вѣдомство и нападалъ на ошибки другихъ; вмѣсто разрѣшенія вопроса, всѣ лишь перекорялись и обвиняли другъ друга. Послѣднимъ держалъ рѣчь Лорисъ-Меликовъ. Говорилъ онъ долго, съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ, съ той отчетливой ясностью внѣшней формы, которая не рѣдко вводитъ въ заблужденіе относительно неясности содержанія. Свой планъ онъ лишь намѣтилъ въ самыхъ неуловимо-неопредѣленныхъ чертахъ, изложилъ лишь общія руководящія идеи; но закончилъ рѣчь предложеніемъ мѣры вполнѣ опредѣленной и безотлагательной, отъ которой, по его мнѣнію, зависѣло все остальное: прежде всего необходимо было, по его мнѣнію, обезпечить единство распорядительной власти, а для этого слѣдовало облечь самыми обширными полномочіями человѣка, поль-

зовавшагося полнымъ довѣріемъ его величества. Александръ II прервалъ оратора и, указавъ пальцемъ на Лорисъ-Меликова, закрылъ собраніе, со словами: „Этимъ человѣкомъ будете — вы“.

На первыхъ порахъ дѣятельность Лорисъ-Меликова встрѣтила сочувствіе, какъ со стороны общества, такъ и со стороны двора. Надежды въ обществѣ оживились; всѣ ожидали, что съ воцареніемъ Лориса наступитъ заря реформъ. Печать, которой привычка къ страху мѣшала называть вещи собственными именами, намекала, въ болѣе или менѣе иносказательной формѣ, на необходимость для Россіи конституціи. Не имѣя возможности сразу измѣнить форму правленія, Лорисъ-Меликовъ попытался, по крайней мѣрѣ, измѣнить пріемы управленія. Въ своей дѣятельности онъ обнаруживалъ гуманность, снисходительность и вниманіе къ правамъ всѣхъ: старался ослабить стѣсненія, неразлучныя съ осаднымъ положеніемъ; выпустилъ на свободу кое-кого изъ лицъ, привлекавшихся за политическія преступленія и противъ которыхъ не имѣлось ясныхъ уликъ; возвратилъ нѣкоторыхъ лицъ, отправленныхъ административно въ Сибирь; немедленно придавалъ гласности всѣ свои мѣры строгости, которыя вынужденъ былъ принимать.... Все въ мірѣ относительно: возможность говорить открыто о томъ, что нашего сосѣда посадили въ тюрьму, — вѣдь это тоже одна изъ свободъ....

Какъ ни велики были изобрѣтательность и ловкость Лорисъ-Меликова, надежды, которыя онъ возбудилъ въ обществѣ, скоро его опередили, и для него наступила „эра затрудненій“. Московская партія, въ лицѣ Аксакова и Каткова, ополчилась противъ либеральнаго министра. Аристократія и придворная партія не пропускали ни одного случая представить въ смѣшномъ видѣ „армянина“. Нигилисты предостерегали своихъ агентовъ противъ „лисицы“, какъ прозвали его неуловимые памфлеты террористической секты, которая не признавала себя побѣжденной, и покушенія которой слѣдовали одни за другими; въ Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ — должностныя лица падали подъ ударами ея кинжаловъ, открывались тайныя типографіи и химическія лабораторіи. Во время сессіи земствъ повсюду обнаружились прогрессивныя стремленія среди наиболѣе дѣятельныхъ элементовъ этихъ собраній; ораторы въ нихъ дѣлали смѣлыя экскурсіи въ область политики; въ Харьковѣ, который былъ однимъ изъ центровъ этого движенія, въ Псковѣ и даже въ Петербургѣ по тону земскихъ ходатайствъ можно было видѣть, что гласные считали себя призванными къ составленію своихъ „cahiers“. Печать создавала ежедневно все новыя и новыя затрудненія своему любимцу; число газетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ почти удвоилось, причемъ новорожденныя органы старались всячески перещеголять своихъ старшихъ собратьевъ. Къ этому еще присоединился экономическій кризисъ, вслѣдствіе постигшаго юго-восточную Россію неурожая.

Лорисъ-Меликовъ и его сотрудники рѣшились приступить къ разработкѣ проекта, который долженствовалъ дать нѣкоторое удовлетвореніе идеямъ контроля въ обществѣ, безъ ущерба суще-

ственнымъ правамъ короны. Рѣшено было, между прочимъ, обновить и расширить Государственный Совѣтъ, даровавъ земствамъ право представлять списки своихъ делегатовъ, изъ которыхъ императоръ долженъ былъ выбирать извѣстное число представителей земствъ для засѣданія въ Государственномъ Совѣтѣ съ правомъ совѣщательнаго голоса. Таковъ былъ въ общихъ чертахъ проектъ, который занималъ Лорисъ-Меликова въ послѣдніе мѣсяцы его министерства. Чтобы добиться согласія на этотъ проектъ ему приходилось привлечь на свою сторону упрямыхъ противниковъ и побѣдить колебанія Александра II, исключительно занятаго въ то время улаженіемъ своихъ семейныхъ дѣлъ крайне деликатнаго свойства, которыя не мало озабочивали Лорисъ-Меликова.

Съ первыхъ дней 1881 г. въ различныхъ столичныхъ кружкахъ стали распространяться неопредѣленные слухи о томъ, что конституція была готова и скоро будетъ обнародована. Разумѣется, всякій подставлялъ подъ этотъ терминъ то, что ему подсказывала собственная политическая фантазія. Такимъ образомъ, чрезмѣрность ожиданій въ обществѣ заранѣе дискредитировала скромныя реформы, на которыя рѣшилось правительство. Вскорѣ слухи начали опредѣляться: конституція должна быть обнародована 19 февраля; когда этотъ день прошелъ, не оправдавши ожиданій, источники слуховъ отложили обнародованіе ея на 5 марта. Лорисъ-Меликовъ, котораго со всѣхъ сторонъ засыпали на этотъ счетъ вопросами, оставался непроницаемъ.

Онъ, дѣйствительно, представилъ для подписанія царю статутъ, которымъ расширялись права земствъ, а также открывался доступъ ихъ делегатамъ въ преобразованный Государственный Совѣтъ. Вотъ и все, я думаю, что можно сказать положительнаго на этотъ счетъ. Заключались ли въ этомъ статутѣ какія либо другія, болѣе смѣлыя нововведенія? Это мало вѣроятно, хотя и возможно. Содержаніе этого документа и обстоятельства, при которыхъ онъ былъ подписанъ, до сихъ поръ покрыты тайной. Одно не подлежитъ сомнѣнію: онъ существовалъ и былъ одобренъ императоромъ. Свидѣтели, которые по своему положенію могли хорошо знать все, происходившее во дворцѣ, утверждаютъ, что Александръ II, послѣ послѣдней внутренней борьбы, подписалъ 28-го февраля актъ, которымъ ограничивалось самодержавіе; положивъ перо, онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, сопровождающимъ у русскихъ всѣ важныя событія. Означенный документъ, какъ говорятъ, остался на его письменномъ столѣ до слѣдующаго дня, когда его должны были передать въ сенатъ для обнародованія. Этотъ слѣдующій день былъ — 1-ое марта.

М. Вогюе.

„ЗАВѢЩАНІЕ ЮРІЯ БОГДАНОВИЧА“

(Изъ 3 № „Вѣстника Русской Революціи“)

Есть площадь съ пролитою кровью святой.
Туда вы, друзья, соберитесь,
И, честь воздавая, съ поднятой рукой
Отъ чистаго сердца клянитесь:
Служить безкорыстно народу,
Другъ друга любить, защищать:
Бороться за честь и свободу
И знамя высоко держать.
То знамя, что въ клочья избито
При схваткѣ съ упорствомъ лихимъ,
И кровью борцовъ тѣхъ омыто,
Что пали, сражаясь подъ нимъ.
Другихъ же знаменъ не берите:
Славнѣе его не достать...
Но съ нимъ вы идите, будите
Уснувшую родину-мать.
Прекрасна, о братья, свобода,
И силы волшебной полна.
Но съ пользою въ руки народа
Лишь въ битвѣ берется она!

В. Н. Фигнеръ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „ БЫЛОГО “.

По недостатку мѣста намъ приходится отложить наши комментаріи къ матеріаламъ, печатающимся въ этомъ номерѣ „Былого“. Въ 7 или 8 № „Былого“ мы надѣемся дать предметный указатель ко всѣмъ вышедшимъ №№ нашего журнала и, кромѣ того, всякаго рода дополненія и поправки ко всѣмъ статьямъ, появившимся въ немъ. Мы просимъ нашихъ читателей имѣть это въ виду и съ карандашомъ въ рукахъ просмотрѣть всѣ номера „Былого“ и прислать намъ всякаго рода комментаріи, которые они найдутъ нужнымъ сдѣлать.

Пока мы ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями:

1) Процессъ Гончарова былъ напечатанъ въ русскихъ легальныхъ газетахъ 25 февраля 1871 г., процессъ Нечаева — 12 января 1873 г., — и недавно оба процесса перепечатаны полностью въ книгѣ „Государственныя преступленія“ (Берлинъ. 1903 г.).

2) Нами получены много вырѣзокъ и выписокъ изъ легальныхъ изданій. — двѣ изъ нихъ (воспоминанія Оболенскаго и о дѣлѣ Черняка) помѣщены въ этомъ № „Бѣлого“, — впослѣдствіи мы дадимъ списокъ этихъ присланныхъ матеріаловъ. Просимъ нашихъ читателей продолжать присылать намъ и впредь этого рода матеріалы.

3) Воспоминанія д-ра Бѣлоголоваго, изданныя въ Россіи, встрѣтили вполнѣ заслуженный успѣхъ. Его статьи, напечатанныя имъ для заграничныхъ изданій, заслуживаютъ еще большаго вниманія, какъ показанія свѣдующаго и очень наблюдательнаго свидѣтеля. При первой возможности мы посвятимъ одинъ или два выпуска „Былого“ спеціально воспоминаніямъ Бѣлоголоваго.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ „НАРОДОВОЛЬЦА“.

19 ноября 1903 г, въ Женевѣ, по проискамъ русскаго правительства, былъ арестованъ редакторъ „Народовольца“ Владиміръ Львовичъ Бурцевъ за изданіе брошюры „Долой Царя!“ и 4-го номера „Народовольца“, главнымъ образомъ за двѣ въ немъ помѣщенныя статьи: „Николай II и послѣдній, Обмановъ“ и „Соціалисты-революціонеры и народовольцы“. Одновременно съ Бурцевымъ былъ арестованъ и его товарищъ Павелъ Алек. Краковъ.

На страницахъ 5-го номера журнала „Хлѣбъ и Воля“ были уже разсказаны нѣкоторыя подробности арестовъ этихъ нашихъ товарищей, — здѣсь мы приведемъ только приговоръ швейцарскаго федеральнаго совѣта, по которому оба они были, послѣ 20 дней ареста, высланы изъ Швейцаріи.

„Швейцарскій федеральный совѣтъ, на основаніи рапорта федеральнаго прокурора отъ 30 ноября 1903 г., изъ котораго видно, что русскіе подданные Владиміръ Бурцевъ, род. 17 ноября 1863 г., и Павелъ Краковъ, род. 6 ноября 1872 г., находящіеся въ настоящее время подъ арестомъ въ Женевѣ, печатали и распространяли въ Женевѣ изданія на русскомъ языкѣ, возбуждающія къ убійству русскаго императора и главныхъ представителей власти и дающія указанія относительно выполненія этихъ убійствъ, съ цѣлью посредствомъ террора положить конецъ формѣ правленія, существующей въ настоящее время въ Россіи, — на основаніи 70 статьи федеральной конституціи, постановляетъ:

1), что названные Бурцевъ и Краковъ изгоняются изъ предѣловъ Швейцаріи;

2), настоящее постановленіе будетъ сообщено правительству Женевскаго кантона, которое объявитъ заинтересованнымъ лицамъ постановленіе и статью 63 свода уголовныхъ законовъ федераціи отъ 4 февр. 1853 г.;

3) федеральному департаменту юстиціи и полиціи поручается привести въ исполненіе настоящее положеніе".

Бернъ, 5 декабря 1903 г.

От имени Швейцарскаго федеральнаго совѣта:
Предсѣдатель федераціи — Deucher.

Само собою разумѣется, никакія высылки изъ Швейцаріи не остановятъ насъ въ изданіи „Народовольца", какъ этого не могли сдѣлать ни русскія, ни англійскія тюрьмы, — и мы возобновимъ выпускъ нашего журнала, когда сочтемъ нужнымъ это сдѣлать.

На страницахъ вышедшихъ номеровъ „Народовольца" мы высказали свой взглядъ на современныя задачи русскихъ революціонеровъ. *Возобновленіе партіи Народной Воли съ ея Исполнительнымъ Комитетомъ,* такова всегда была задача нашей дѣятельности, таковой она осталась для насъ и въ настоящее время. Мы не устанемъ твердить русскимъ революціонерамъ, что *внѣ Народной Воли нѣтъ спасенія Россіи.*

Русское правительство можетъ, сколько ему угодно, преслѣдовать насъ за каждый вновь выпущенный номеръ „Народовольца", представители иныхъ политическихъ теченій могутъ какъ имъ угодно относиться къ нашему изданію, могутъ изъ тактическихъ соображеній или замалчивать его, или извращать его направленіе, — мы по прежнему пойдемъ своей дорогой и, указывая современнымъ революціонерамъ на знамя Народной Воли 1879 - 81 гг., мы скажемъ имъ словами стихотворенія Вѣры Фигнеръ, недавно присланнаго изъ Шлиссельбургской крѣпости:

„*Другихъ же знаменъ не берите,*
Славнѣе его не достать!"...

Мы убѣждены, что этотъ призывъ В. Н. Фигнеръ найдетъ себѣ горячій отвѣтъ въ революціонной средѣ, и мы съ особымъ удовольствіемъ процитируемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ только что напечатанной (39 № „Рев. Рос."), замѣчательной рѣчи нашего товарища по убѣжденію Ф. Фрумкиной, покушавшейся на жизнь негодяя Новицкаго:

„Народовольческая литература произвела на меня неизгладимое впечатлѣніе. По моему, нѣтъ ничего краше и лучше на свѣтѣ нашихъ доблестныхъ предшественниковъ-народовольцевъ; ихъ героическая дѣятельность, что оставила яркій слѣдъ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія и заставила трепетать всесильнаго самодержца; ихъ смѣлый вызовъ царскому правительству среди рабскаго молчанія всей Россіи, красота ихъ подвига, величіе ихъ мученической смерти — глубоко врѣзались мнѣ въ душу, и я всю жизнь рвалась къ подобному дѣлу, считая для себя величайшимъ счастіемъ — пойти по ихъ слѣдамъ".

„Былое“, № 2. *Содержаніе*: 1) Первая прокламація Исполнительнаго Комитета; 2) Статья изъ 2 № газеты „Народная Воля“; 3) Статьи изъ „Рабочей Газеты“ (изд. въ 1880-81 гг.); 4) Отъ ред.; 5) Прокламація Исполн. Комит. 1 марта 1881 года; 6) Вл. Бурцевъ „Процессъ 20-ти“; 7) Завѣщаніе А. И. Баранникова; 8) Завѣщаніе А. Д. Михайлова; 9) Казнь Н. Е. Суханова; 10) Письмо П. В. Карповича; 11) Прокламація „Союза Справедливыхъ“ по дѣлу Карповича; 12) Народовольческая литература; 13) Отъ редакціи „Былого“; 14) Отъ редакціи журнала „Народоволецъ“.

„Былое“, № 3. *Содержаніе*: 1) А. А. Ольхинъ: „У гроба“ (стих.); 2) „Летучій Листокъ“ 1878 г.: 3) Статьи изъ 4 № „Народной Воли“ 1880 г.; 4) Отъ рабочихъ членовъ партіи Народной Воли (по поводу казни Квятковскаго и Прѣснякова); 5) Двѣ замѣтки Н. Морозова по поводу прокламацій Н. В.; 6) Рѣчь Анны Павловны Корба; 7) Прокламація „Общества народнаго освобожденія“ 77 г.; 8) Процессъ Л. Тайяда; 9) Изъ воспоминаній Л. Гартмана; 10) Глава изъ одной книги, секретно изданной жандармами (въ 1880 г.); 11) Программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли (1880 г.); 12) О сѣверно-русскомъ рабочемъ союзѣ; 13) В. Бурцевъ: „Матеріалы для словаря политическихъ ссыльныхъ въ Россіи“; 14) Библіографія; 15) Вл. Бурцевъ: „Опытъ программы для изученія исторіи революціоннаго и общественнаго движенія“; 16) Вл. Бурцевъ: „По поводу сборника „За сто лѣтъ“, „Исторіи революціоннаго движенія“ и нѣкоторыхъ другихъ историческихъ изданій“; 17) Почтовый ящикъ.

„Былое“, № 4. *Содержаніе*: 1) Изъ жизни саратовскихъ кружковъ (изъ матеріаловъ О. и И. Марковыхъ); 2) Два письма С. Г. Ширяева къ редактору „Впередъ!“; 3) Воспоминаніе о С. М. Кравчинскомъ (изъ 16 № „Рабочей Мысли“ 1902 г.); 4) Е. Брешковская. „Воспоминанія пропагандистки“ (изъ 7 и 8-9 №№ „Общины“ за 1878 г.); 5) Ссылка и каторга въ 60-хъ годахъ (отрывокъ изъ письма Муравскаго); 6) Глава изъ одной книги, секретно изданной жандармами; 7) Изъ записокъ народника.

„Былое“, № 5. *Содержаніе:* 1) Первая рус. соціалистическая рабочая газета („Работникъ“ 1875-76 гг.); 2) Пропаганда среди рабочихъ въ Ростовѣ на Д. въ 1882-84 гг.; 3) Памяти Коковскаго (изъ 4 № „Вѣстника Народной Воли“; 4) Сѣверно-русскій Рабочій Союзъ и его программа („Къ русскимъ рабочимъ!“); 5) Международный конгрессъ въ Хурѣ (рѣчь г. Аксельрода): 6) Передовая статья изъ 7 № „Народной Воли“ (1881 г., — о конгрессѣ въ Хурѣ); 7) О пропагандѣ среди рабочихъ (изъ № 10 „Нар. Воли“,—1884 г.); 8) Пребываніе Халтурина въ зимнемъ дворцѣ (изъ „Календаря Нар. Воли“ на 1883 г.); 9) Письмо Степана Халтурина (1878 г.); 10) Изъ книги, изданной секретно жандармами (продолженіе); 11) *Вл. Бурцевъ* „По поводу сборника „За сто лѣтъ“, „Исторіи революціоннаго движенія“ и нѣкоторыхъ другихъ историческихъ изданій“; 12) Отъ редакціи.

„Былое“, № 6. *Содержаніе:* 1) „Михаилу Ларіоновичу Михайлову“ (стих. Н. Огарева и Н. Утина); 2) „Отвѣтъ Михайлова студентамъ“ (стих.); 3) Прокламаціи 60-хъ гг.: а) „Земская Дума“, б) „Къ офицерамъ“, в) „Къ образованнымъ классамъ“, г) „Долго насъ помѣщики душили!“, д) Подложный манифестъ 1863 г., е) „Золотая грамата“ 1863 г.; 4) „Золота грамата“ (на малорусскомъ языкѣ, изд. въ 70-хъ гг.); 5) Дѣло Черняка въ 1865 г.; 6) Дѣло Николая Петровича Гончарова (1872 г.); 7) Дѣло Сергѣя Геннадіевича Нечаева; 8) Адрессъ русскихъ рабочихъ къ французскимъ, посланный изъ Одессы въ 1878 г. (изъ 3-4 № „Общины“ 1878 г.); 9) *Ел. Н. Ковальская* „Южно-русскій Рабочій Союзъ въ 1880-81 гг.“; 10) Молинари о Южно-русскомъ Рабочемъ Союзѣ; 11) Убійство шпіона Никонова (прокл. 78 г.); 12) Письмо В. Осинскаго (14 апр. 79 г.); 13) „Правительственное сообщеніе“ (прокл. 1878 г.); 14) *Д-ръ Н. Бѣлоголовый* „Какъ царь трусу празднуетъ!“ (изъ „Общаго Дѣла“ 1879 г.) 15) *Князь Дм. Д. Оболенскій* „Взрывъ царскаго поѣзда въ 1879 г.“; 16) *М. Вогюэ* „О Лорисъ-Меликовѣ въ 1880-81 гг.“; 17) *В. Н. Фигнеръ* „Завѣщаніе Юрія Богдановича“ (стих.); 18) Отъ редакціи „Былого“; 19) Отъ издателей „Народовольца“.

Вл. Бурцевъ „Долой царя!“ *Содержаніе:* 1) Отъ издателей „Народовольца“; 2) Статьи Бурцева изъ 1-3 № „Народовольца“: „Къ вопросу - что дѣлать?“, „Правда ли, что терроръ дѣлаютъ, но о террорѣ не говорятъ?“, „За терроръ“, „Рабочее движеніе въ Россіи“, „Памяти героя“ (объ Анжіолилло) и пр.; 3) Дѣло Бурцева по поводу изданія „Народовольца“.

(Изданіе почти разошлось). Цѣна 1 фр. 25 с.

„Народоволецъ“, № 4. *Содержаніе:* 1) Отъ редакціи „Народовольца“; 2) Вл. Бурцевъ „Николай II и послѣдній, Обмановъ, палачъ шлиссельбургскій, сибирскій, петропавловскій и прочая, прочая, прочая“... 3) „Придетъ пора иная“... (стих.); 4) Дѣло Ф. Фрумкиной; 5) Вл. Бурцевъ „Соціалисты-революціонеры и народовольцы“; 6) Объ „Освобожденіи“ г. Струве; 7) По поводу рабочаго движенія въ Россіи; 8) „Браво, сербы, браво!“... 9) По дѣлу Музиля; 10) Почтовый ящикъ; 11) Отъ издателей „Народовольца“ „Къ товарищамъ по дѣлу и убѣжденіямъ“; 12) „Казнь революціонера“ (стих. — на обложкѣ).

(1-3 №№ „Народовольца“ разошлись). Цѣна 4-го № — 50 с.

„За сто лѣтъ“ (1800 - 1896). Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи. Составилъ Вл. Бурцевъ при редакціонномъ участіи С. М. Кравчинскаго (Степняка) 1897 г. Цѣна 8 фр.

Цѣна 6-го № „Былого“ 1 фр. 25 сант.

GAYLAMOUNT®
PAMPHLET BINDER
Syracuse, N.Y.
Stockton, Calif.

